

УЛЫБКА ХИМЕРЫ

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Татьяна Юрьевна Степанова

Улыбка химеры

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121602
Т.Степанова Улыбка химеры: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-08796-6

Аннотация

Казино – это не только рулетка, это образ жизни. Катя Петровская, сотрудница Пресс-центра УВД, и майор «убойного отдела» Никита Колосов убедились в этом, расследуя три убийства в казино «Красный мак». Роковые страсти и роковые женщины, большие деньги и отчаянный риск, взлеты и крушения – все здесь сконцентрировано до предела, все на грани взрыва. Что за этими преступлениями – происки конкурентов, личная месть или ревность, а может, и того хуже – маниакальная одержимость? Версий, фактов, улик – много, а разгадка криминальной шарады по-прежнему в тумане. И даже когда Никита и Катя вплотную приблизились к ней, они отказываются верить, что подобное возможно...

Содержание

Глава 1. МЕТЕЛЬ	4
Глава 2. РАДУЖНЫЕ ПУЗЫРИ	14
Глава 3. «КРАСНЫЙ МАК»	19
Глава 4. НОЧКА ПОД РОЖДЕСТВО	29
Глава 5. НИКИТА	43
Глава 6. ШВЕЙЦАР	65
Глава 7. ФИЛИПП	76
Глава 8. ПЛЕНКА	86
Глава 9. ПЕЛЬМЕНИ	94
Глава 10. «КАЙО-КОКО»	106
Глава 11. РАЗНОЕ ВРЕМЯ	117
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Татьяна СТЕПАНОВА

УЛЫБКА ХИМЕРЫ

*«Кто убил кошку мадам Полласухер?»
Михаил Булгаков «Собачье сердце»*

Глава 1. МЕТЕЛЬ

Жизнь прожить – не поле перейти. Но в принципе это не смертельно. Прожить жизнь. Почти целиком. Не смертельнее, чем поставить в рулетку на два смежных номера, на чет или нечет, на красное или черное. Все зависит от Фортуны. Почти все...

Мысли о почти позабытом прошлом, смутные сомнения, горечь одиночества, яд несбывшихся надежд и незаслуженные обиды, острота переживаний и щемящая тоска, пепельная грусть детства и перламутровые призраки юности – все это точно слепой вихрь кружит вашу голову на закате жизни в один-единственный, видимо, специально предназначенный и для воспоминаний, и для терзаний о прошлом день в году – 5 января. День, отделяющий потухший костер Нового года от едва еще теплящейся лампы Рождества.

А может, во всем виновата метель? Та, что бросает в стекла вашей машины пригоршни колючего снега и воеет на до-

роге, наматая по обочинам сугробы. Воет как стая оборотней, как ваша родня на Николо-Архангельском кладбище у гроба вашего сына ровно сорок дней назад...

– Валерий Викторович, десять ровно. Вы радио хотели послушать.

Глеб Китаев, сидевший за рулем, покосился в зеркало на своего шефа и работодателя Валерия Викторовича Салютова, устроившегося на заднем сиденье. Салютов не ответил, погруженный в свои мысли. Китаев включил магнитулу. Шефу полезно услышать, если радиокomentатор-всезнайка расскажет что-то новое по ЭТОМУ ДЕЛУ, прежде чем они приедут туда.

– А метель... Ну, прямо новогодняя, разыгралась. – Китаев кашлянул и умолк. Прибавил газа.

Да, метель... До Окружной еще несколько километров. А сейчас будет речка Глинка и горбатый мост через нее. Рассказывают, что в 73-м летом здесь произошла автокатастрофа. В воду с моста сорвалась свадебная «Чайка». Молодожены, ехавшие в ней из загса, погибли. Искореженную, но все еще увитую разноцветными лентами, увенчанную кольцами «Чайку» достали краном. Достали и труп водителя. А вот тела жениха и невесты так и не нашли. Их, наверное, унесло течением. Рассказывали, что жених был местный, а невеста из соседнего района и расписывалась в загсе уже на седьмом месяце.

Похоронить их так и не смогли. И с тех пор нет-нет да

поговаривали, что молодоженов видели на мосту зимними выюжными ночами. На беременной новобрачной все еще было подвенечное платье и рваная фата из нейлоновых кружев.

Вот и сейчас... На мосту в снежной мгле что-то мелькнуло – белое, туманное, зыбкое. Снег ударил в стекло. Метель...

Валерий Викторович Салютлов отвернулся от окна. Слушал новости по радио. И не понимал ни слова. Мысль о том, что та девчушка, так неудачно загремевшая с моста в далеком 73-м, расписывалась в загсе на седьмом месяце беременности, странно щекотала сердце. Точно теплый душ. Маленький хрупкий беременный призрак Рублевского шоссе. Привидение... Салютлов часто думал о нем. Почти каждый раз, когда ехал из Москвы домой, а из дома в Москву. Думал об этой давней свадьбе, об удалом пьяном шофере, о целующихся на заднем сиденье разубранной лентами «Чайки» юных новобрачных, думал о выпуклом, обтянутом тесным белым платьем животе невесты, о еще неловких, но уже дерзко-отважных руках этого мальчика-жениха. Думал обо всем, кроме того, что скрывалось за словом «автокатастрофа». Потому что слово это с некоторых пор просто не задерживалось в его памяти. Все эти сорок дней оно ускользало от восприятия, улетучивалось как дым.

А может, все это только сон? Сон, что его сын умер? Погиб в такой же чертовой, проклятой, обозначаемой этим же самым непроизносимым обжигающим словом, которое не что

иное, как скрежет металла, визг рушащихся тормозов, языки пламени, черные хлопья сажи, изорванные свадебные ленты, вспыхнувшая как факел, пропитанная бензином подвенечная фата...

— А все же зря вы отказались сначала проконсультироваться с Маклаковым. Он калач тертый, дурного не посоветует.

Салютлов посмотрел на Китаева — подвенечная фата... О чем это он?

— Я говорю, Валерий Викторович, зря вы вчера ему не позвонили. Надо сразу было сказать о повестке...

И Салютлов подумал: вот чудеса. С некоторых пор самые простые человеческие слова и поступки ему надо самому себе переводить на некий, еще более упрощенный язык, чтобы понять, чего именно от него хотят. Вот и сейчас он сам себе переводит: начальник его службы безопасности Глеб Китаев говорит о том, что зря он сразу не связался с адвокатом Маклаковым, получив вот эту самую повестку к следователю прокуратуры на сегодня, на 11.30.

Что-то Китаев сильно тревожится по поводу этой повестки. Переживает за него, Салютлова? Переживает, что в такой день его шефа и работодателя будет долбать своими вопросами какой-то занюханный прокурорский буквоед? Кому приятно быть вызванным в прокуратуру по делу об умышленном убийстве 5 января, когда костер Нового года уже догорел и покрылся золой, а лампада приближающегося Рождества еще едва-едва теплится. В день, когда исполнилось ров-

но сорок дней со дня смерти сына Игоря, в день, когда...

Впрочем, Китаев вряд ли способен на подобное сочувствие. Он просто обеспокоен. Ведь это убийство действительно преогромная неприятность. И даже если все они ни сном ни духом к ней не причастны, все равно это может весьма печально аукнуться всему бизнесу в целом и, в частности, отразиться на судьбе «Красного мака».

Следующее замечание Китаева Салютов не услышал – машинально прочел по губам, когда тот повернулся. Машинально кивнул. Да, да, ты, Глебушка, прав, адвокату Маклакову следовало позвонить, спросить совета. А сам в это время думал о том, что...

Ах ты, боже мой, какие мысли переполняют вас 5 января, в день сороковин по погибшему сыну, в день, когда вас вызывают в прокуратуру на допрос по поводу убийства хорошо знакомого вам человека!

Салютов думал о разном. О том, что в бильярдном зале «Красного мака» сегодня меняют столы. Он остановил свой выбор на классических моделях русской пирамиды «Империи» и «Фаворите». Сегодня их доставят и начнут монтировать.

Одновременно он думал и о том, отчего это народная молва приписывает призракам и привидениям такую дурную славу? И действительно ли во выюжные зимние ночи на мосту через Глинку может пригрезиться вставшая из гроба беременная невеста в рваной обгорелой фате? А еще он ду-

мал о Веронике-царевне, с которой провел всю сегодняшнюю трудную, бессонную ночь, которую просто физически не мог провести в стенах родного дома.

Вероника-царевна была дорогой валютной проституткой. Всю неделю до их свидания она загорала в солярии, и кожа ее приобрела нежные оливково-атласные тона. Он провел у нее всю ночь. И она, как всегда, была на высоте. Но вот за минет потребовала отдельную плату. И за повторный минет тоже. И он заплатил не торгуясь. Он никогда бы не унизился до того, чтобы торговаться с Вероникой-царевной.

Спустя четыре с половиной часа Салютов вышел из здания Генеральной прокуратуры. Миновал проходную, предъявив отмеченную следователем повестку дежурному милиционеру. Милиционер окинул его равнодушным взглядом и посторонился.

Салютов очутился на улице. Здесь, в центре Москвы, метель чувствовала себя такой же полноправной хозяйкой, как и на заснеженных полях за Окружной дорогой. Ветер, зажатый в переулках между Тверской и Петровкой, выл как в трубе. Салютов увидел свою машину, джип «Тойота-Круизер», полузасыпанный снегом. Ритмично работали «дворники». Китаев дремал за рулем.

Дальше проходной в здание прокуратуры его не пропустили, несмотря на то, что он предъявил документы начальника службы безопасности и личного телохранителя Салютова.

Завидев шефа, он вышел из джипа, предупредительно от-

крыл заднюю дверь.

– Долго как вы, Валерий Викторович. Я уже прямо издержался весь!

Салютов сел в машину. Да, дергаться Китаев, да и все они в «Красном маке» начали три дня назад, когда в десять утра раздался тот телефонный звонок. И голос, хорошо знакомый Салюту, посоветовал включить телевизор, чтобы слышать последние новости.

Новость состояла в том, что на лестничной площадке возле своей квартиры этим утром был убит крупный (очень крупный) чиновник столичной администрации. Фамилия его была Салюту хорошо известна. Фамилию эту знали и в Москве, и в области все, кто хоть каким-то образом был связан с развитием, расширением, лицензированием, инвестированием игорного, развлекательного бизнеса. От чиновника в этом бизнесе зависело многое, если не почти все. И человеком он был очень несговорчивым. И вот теперь его застрелили на пороге собственной квартиры, в доме на Набережной, когда он собирался ехать на службу. Убийце удалось благополучно скрыться.

– Много вопросов задали, Валерий Викторович? – осторожно поинтересовался Китаев, ожидая, пока «дворники» полностью очистят от снега ветровое стекло.

– Достаточно. Голова раскалывается. Таблетки нет? – Салютов протянул руку.

Китаев всегда возил с собой целую аптеку. Он не спро-

сил Салютова: «А что конкретно интересовало следователя?» Передал лекарство, тронул джип с места.

Салютов откинулся на сиденье. Черт, сколько потрачено зря ненужных, пустых, лживых, уклончивых слов. А ведь всю их четырехчасовую беседу со следователем можно было уложить в три коротких слова: кто его убил? Что вы, Валерий Викторович, лично знаете по этому делу?

Но следователь, точно реактивный истребитель, заходил для атаки издалека. Задавал вопросы о том о сем, о жизни, бизнесе, «Красном маке», об отношениях вообще и в частности с чиновниками мэрии и администрации. О сложностях и трудностях, возникавших у Салютова с реализацией того или иного коммерческого проекта.

Следователь прокуратуры был на удивление весьма детально осведомлен о тонкостях их бизнеса. Создавалось впечатление, что он говорит всего лишь пять процентов из того, что знает и думает о жизни и бизнесе и самого Салютова, и тех, других, о которых он задавал вроде бы поверхностные, равнодушные и очень вежливые вопросы.

Лейтмотивом же всей этой словесной паутины было: кто все же убил этого человека? Кто?

Самое интересное заключалось в том, что Салютов точно знал: все эти вопросы не к нему. Он к убийству чиновника не имел ровно никакого отношения. Не заказывал, не нанимал, не платил, не стрелял. Не был, не состоял, не участвовал. Знал ли об этом следователь, трудно было сказать. Воз-

можно, он подозревал и Салютова, включив его в так называемый проверочный список.

Однако за всю беседу он ни разу не задал Салюту ни одного прямого вопроса. Не упомянул и ту фамилию, которую...

Честно признаться, Салют ждал, что фамилия эта вот-вот всплывет на допросе. И даже хотел, чтобы следователь наконец произнес: «А вот знаком вам некий Тенгиз Миловадзе? Не мог ли он иметь к этому делу какое-то отношение?»

Но следователь ничего такого не сказал. И Салют промолчал тоже. Хотя, если бы это имя всплыло в разговоре, еще неизвестно (о, это было загадкой и для самого Салютова), как бы он повел себя, что ответил бы следователю. Но разговор так и не коснулся ни фамилии Миловадзе, ни его второго, более привычного уху Салютова имени – Хванчкара.

Беседа в просторном светлом кабинете старшего следователя по особо важным делам кружила, петляла, петляла, кружила. Может быть, во всей этой словесной круговерти тоже была виновата метель за окном? А может, просто еще не настало время для правды?

Правды, которая нужна была этому прокурорскому, если он, конечно, не притворялся перед собой, Салютовым и вышестоящим начальством.

– Куда теперь, Валерий Викторович? – спросил Китаев,

выруливая на Петровский бульвар. – Домой?

– Давай только пообедаем сначала где-нибудь. – Салютов смотрел в окно. За стеклом ничего не было, кроме тумана и снега. И еще колких для глаз пульсирующих огоньков. Это в окнах витрин зажигалась иллюминация новогодних елок.

Глава 2. РАДУЖНЫЕ ПУЗЫРИ

Дни между Новым годом и Рождеством похожи на радужные пузыри. Так отчего-то всегда представлялось Кате – Екатерине Сергеевне Петровской, в замужестве Кравченко. Уже не вполне будни, но еще и не совсем новые праздники. Время свободы, зимние каникулы: ранние фиолетовые сумерки, фонари, вспыхивающие за окном сразу после обеда, еще не разобранный елка, горячий чай с яблочным пирогом, метель...

Новый год Катя с мужем Вадимом Кравченко встречала на старой родительской даче под Москвой. Понаехали друзья-приятели с женами, с подружками. Елку нарядили во дворе перед домом, навалили целый полк снежных баб. Кравченко вытопил баню. И за два часа до Нового года все обитатели дачи мужского пола до обморока хлестались вениками в бревенчатой сараюшке, а потом с гиком и ревом, достойным доисторических предков, голяком сигали в сугробы у крыльца.

Катя на все эти излишества смотрела философски. И была в душе рада и гостям, и Новому году. Увы, среди удальцов, встречавших новый век в сугробе, не было закадычного друга детства Сереги Мещерского. На того под самый Новый год свалилась работа: турфирма «Столичный географический клуб», где он трудился в поте лица все послед-

ние годы, подрядилась организовывать новогодний экзотически-экстремальный тур в Индию и Тибет для воскресного журнала «Вокруг света».

О Серее тепло и часто вспоминали за праздничным столом. Новогодний тост за «плавающих и путешествующих» вместе с прочими тостами сотрясал стены старой дачи, которая была явно тесна для собравшейся здесь удалой и раскрепощенной компании.

Но все закончилось. Праздник отшумел, отгулял, отхлопал фейерверками и петардами. Гости потихоньку протрезвели и расползлись по домам. А на улице повалил снег, заметая дачный поселок – крыши, дома, сараи, бани, наряженные во дворах елки, лес, озеро. Сквозь белую пелену ничего не увидишь, кроме своего отражения в окне.

Вадим Кравченко утром пятого января, с трудом (ох, и с каким же трудом!) восстав с супружеского ложа, отбыл на службу: состоять при теле своего бессменного работодателя Василия Чугунова. Дежурить сутки в качестве начальника его личной охраны. И после отъезда мужа Катя осталась на даче одна-одинешенька. Кравченко перед отъездом долго колдовал с АГВ, беспрестанно поучая Катю, как обращаться с газовой колонкой в ванне и что, «если тепла в батареях не хватит, недурно подтопить еще и печку».

Катя после его отъезда так и сделала. Натянув сапоги и пуховик, добралась вплавь по рыхлому снегу до поленницы, набрала дров, наколола топориком лучинок и щепок на рас-

топку и затопила печку. И потом заворуженно смотрела, как разгорается огонь, как пламя лижет березовые поленья, слушала, как гудит ветер в трубе.

Мысли при этом тихом созерцании витали коротенькие и простые. Катя радовалась, что новый год начался вот так хорошо, спокойно и уютно. Радовалась, что в доме тепло. Предвкушала, что впереди еще Рождество, которое они с Вадькой решили провести здесь же на даче, только вдвоем. Совершенно одни.

Кравченко, правда, возникал со вздорной идеей насчет катания на лыжах на крутом берегу замерзшего озера. Но Катя решила про себя, что это ничего. Лыжи – это пустяки. И обрывистый склон, и пни, скрытые сугробами, и прочая Вадькина спортивная блажь – все это такая ерунда по сравнению с тем, что они с «драгоценным В.А.» будут все эти дни вместе и что в новом году в их доме все вроде начинается неплохо.

Еще Катя думала о том, что именно «драгоценный В.А.» напомнил ей о том, что сегодня как раз и наступит та самая Ночь под Рождество. И Катя вспомнила, как они в прошлом году зимой ездили «восстанавливать украинские корни» Кравченко: навещали его дальних родственников на Украине. Зима там была мягкой и снежной. И у «драгоценного В.А.» оказалось ну просто пропасть родни. И какие только города они не повидали за эти две отпускные недели – и Полтаву, и Миргород, и Кременчуг, и Киев, и Одессу.

Именно на полдороге между Полтавой и Миргородом «по эту сторону Диканьки» Катя и узнала на собственном опыте, что таит в себе Ночь под Рождество. Их машина наглухо застряла в снегу. И если бы не тракторист, ехавший ночью по своим неведомым зимним делам и горланивший песни, им бы с Кравченко пришлось ночевать на дороге.

Результатом того славного рождественского путешествия стало то, что Катя выучилась у троюродной миргородской тетки Кравченко стряпать вареники в сто раз лучше покупных и на всю жизнь запомнила Ночь под Рождество как нечто непредсказуемое, загадочное и холодное.

И точно, ведь не предугадаешь, что стрясется в эту ночь — то ли ваша машина забуксует в снегу, то ли черт украдет месяц с неба, то ли внезапно случится какая-нибудь этакая история, которую долго потом придется вспоминать, рассказывая ее Сереге Мещерскому, как всегда прозевавшему все самое крутое и интересное.

Легла Катя поздно. Все сидела у печки, мешала угли кочергой. За окном кружила метель. С соседней дачи, где до сих пор еще не разъехались новогодние гости, доносилась музыка из врубленного на полную катушку магнитофона.

А Катя разнежилась у печки. Ей было до такой степени хорошо, тепло и уютно на диване под клетчатым пледом, что невозможно было даже представить, что у кого-то в такую волшебную ночь могут быть какие-то неприятности.

Казалось, зимний мир улыбается сквозь метель всем и

каждому, пуская радужные рождественские пузыри. И если бы Кате вдруг позвонили и огорошили сообщением, что сейчас, в эту вот самую минуту где-то убили человека, она скорее всего не поверила бы. И бросила бы трубку.

Глава 3. «КРАСНЫЙ МАК»

Дом в глубине соснового подмосковного парка светился сквозь метель яркими огнями. Салютов заметил огни еще с шоссе. Он возвращался домой, и впервые за этот день на душе его стало спокойно. В который раз он изумился и обрадовался впечатлению, которое производил Дом на всех, кто ехал по Рублевскому шоссе и смотрел налево – на эти яркие огни, на неоновую рекламу, на сверкающую иллюминацию, искусно вплетенную в снежную мглу сосновых аллей.

Он невольно вспомнил Лас-Вегас, в котором побывал пять лет назад, в свой первый приезд в Штаты, куда стремился, чтобы узреть своими глазами, потрогать, ощутить то, что так часто видел во сне и очень, очень редко в детстве в кино.

Красно-золотое неоновое панно на фасаде Дома Салютов придумал сам. Потом уже над ним трудилась целая бригада дизайнеров, художников, электриков и инженеров. Панно собирали по фрагментам на заводе в северной Калифорнии. На том самом заводе, который поставлял рекламное оборудование крупнейшим казино Лас-Вегаса. Панно вместе с доставкой обошлось в триста пятьдесят тысяч. Но Салютов ни разу не пожалел о потраченных деньгах.

Этот сияющий неоновый рисунок придумал он сам. Лично. Это была постоянно меняющаяся, текущая, как сверкавший водопад, картина: пестрая колода игральных карт, ко-

торые то раскрывались веером, то выстраивались в длинную извилистую ленту. В этой волшебной колоде преобладали бубны и черви. Туз парил как пурпурный раскрытый парашют, дама посылала зевакам воздушные поцелуи, а король червей щедрой рукой сыпал как из рога изобилия фишки и золотые монеты.

А затем разом все эти черви и бубны, ромбы и сердечки меняли свои очертания, превращаясь в алые степные маки, а потом сливались в один гигантский цветок с лепестками, напоминавшими мельничные крылья.

Этот салютовский главный рекламный щит на фасаде одобрили весь персонал Дома и вся семья. Один лишь младший сын Филипп высказался в духе того, что все это кич и сплошная дешевая лажа.

Но он всегда кривил губы, всегда все осуждал этот избалованный самодовольный мальчишка. «Дешевая лажа» – надо же...

Он даже не хотел вдуматься в то, что означает Красный мак на фасаде Дома для его отца. Не хотел понять, что это не просто рекламный фетиш, а могущественный талисман, некий неугасимый маяк, посылающий свои сигналы из далекого прошлого.

Салютлов смотрел на огненный цветок, распускавшийся перед ним в ночной метели. Красный мак – герб его Дома. «Красный мак»... Так, именно так назывались духи, которые очень давно любила его мать. Запах которых и он сразу узна-

вал в детстве и в юности, потому что она любила их, потому что...

Мать умерла молодой в пятьдесят шестом от туберкулеза. Ему, Валерию Салютову, тогда было всего двенадцать. Он остался с тетей Полей – сестрой матери и отцом, хотя уже точно знал тогда, что этот человек, который зовет его «сын», не его родной отец...

Глеб Китаев плавно свернул с шоссе на широкую расчищенную сосновую аллею и спустя минуту остановил машину возле подъезда позади темно-синей «Хонды» с открытой задней дверью. Возле нее топтался водитель-телохранитель Равиль.

Салютов молча наблюдал из своей машины за пассажирами «Хонды». Равиль привез в «Красный мак» семью – домашних своего работодателя.

Марина Львовна – вдова старшего сына вышла из машины первой. Сюда она приезжала одна, без детей, внуков Салютова. Следом при помощи водителя вышла и тетя Поля.

Салютов смотрел на этот ветхий комок старческой плоти, укутанный в черную каракулевую шубу. Старуха тяжело опиралась на руку Равиля. У Салютова сжалось сердце. Равиль нагнулся, достал из салона палку и почтительно подал ее Полине Захаровне. А затем медленно, очень медленно и осторожно повел ее к сияющему подъезду.

Салютов знал, отчего его шофер ведет себя как поводырь: после гибели старшего сына Салютова Игоря тетя Поля вы-

плакала все глаза и почти ослепла. Она вырастила обоих сыновей Салютова, как и его самого когда-то.

Салютов наконец и сам вылез из джипа. Семья уже скрылась в вестибюле, за массивной дубовой дверью. А он все медлил на скользких, облицованных серым мрамором ступеньках. Повернулся спиной к неоновому панно, смотрел в глубину сосновой аллеи.

Всего еще только половина восьмого, это очень рано, потому что обычно жизнь в Доме начинала пульсировать, бить ключом с девяти-десяти. Сейчас же наступил тот сумеречный неспешный тихий час, который они – семья, близкие выбрали для того, чтобы тихо, спокойно, без истерик и слез снова вспомнить о своем горе – помянуть сына, который ушел, помянуть его в том самом месте, которое во многом было его мечтой и делом его рук. Потому что – тут Салютов хрипло вздохнул, чувствуя, что ему не хватает воздуха, – потому что, если бы не было старшего сына Игоря, не было бы, наверное, и «Красного мака».

Не было бы ничего.

Салютов распорядился устроить поминальный банкет именно здесь, в Доме. Он приказал, и семья подчинилась. Приехала даже тетя Поля, которая за свои восемьдесят лет не бывала ни разу ни в одном казино. Не была даже здесь, в «Красном маке».

Бедная, бедная старая тетка Поля. Она всегда считала, что он, Валерий Салютов, ее любимый племянник Валерка,

насилует свой «светлый ум», занимаясь не тем, чем нужно. А «Красного мака» она просто не на шутку боялась. И сейчас, в свое первое посещение, даже не увидела по причине старости и слепоты, как Дом величествен, как прекрасен, как...

Господи, ну как же так получилось, как вышло, что только этот немощный человек, эта старуха связывает его, Салютова, с прошлым? Что будет, когда она умрет? Умрет ли вместе с ней и прошлое, как почти умерло настоящее и будущее с гибелью его старшего сына?

Ведь есть вещи, которые, кроме него, знает лишь она, эта старуха. Например, то, что имя Валерий – не первое, что он получил в своей жизни...

До семи лет Салютов знал о себе четко и ясно: его называли в честь героя-летчика Чкалова. Имя выбрал батька, который тоже геройски прошел всю войну командиром летной эскадрильи, под Кенигсбергом в воздушном бою был сбит, но выжил, вылечился в госпитале, обретя орден, медали, поврежденный позвоночник, заплетающуюся походку и костыли.

Салютовы жили в Одессе, все на той же улице, что и до войны, – в Лузановке. Тогда там был просто рыбацкий поселок. И дети в Лузановке и на всей дороге Котовского выросли рано. Ведь только что кончилась война.

Случилась обычная уличная потасовка в игре, в которую сейчас не умеет играть ни один пацан. А тогда резались все от мала до велика. Игра звалась «пристенок», и он, Валерий,

а тогда просто Валерка Салютов, выиграл у старшекласников тридцатку. Получил за выигрыш жесткий подзатыльник и кинулся драться. И тогда-то впервые услышал так резанувшее его слух презрительное: «Да чё ты вообще возникаешь, сопля немецкая? Весь поселок знает, что тебя мамаша-овчарка от фрица родила!»

Салютов до сих пор (а прошло почти полвека) ясно помнил, как он тогда пришел домой. Пришел, ничего никому не сказав. Ему было восемь лет, он уже неплохо научился считать и четко знал: он родился в марте 44-го. Когда, и это тоже он знал точно по рассказам всей Лузановки, в Одессе еще были немцы. Мать не успела эвакуироваться, а отец воевал.

Вспомнилось ему и странное напряженное молчание, возникавшее порой между родителями, и тоскливо-преданное выражение глаз матери всякий раз, когда она смотрела на отца. Преданное до иступления даже тогда, когда он приходил домой пьяным. И ее захлебнувшийся рыданиями крик, разбудивший его однажды ночью: «Да что же ты мучаешь меня? Ведь говорила тебе – освобожу, уйду и сына заберу! Не могу я так больше, не могу!» И звук пощечины – сухой и острый, и новый взрыв маминых рыданий, и звон разбитого флакона, который отец швырнул на пол! И запах тех самых духов, разлитых по полу, «Красный мак»...

После войны отец крепко пил, хотя его как инвалида и орденоносца на Одессе-Сортировочной, где он работал в профкоме локомотивного депо, почти не упрекали за это.

Наверное, жалели.

А дома мать тоже терпела от него все.

Салютов, насколько он помнил, ничего никогда у нее не спрашивал ПРО ЭТО. Не мог. Не спрашивал и у отца. Но жадно слушал пересуды Лузановки, и подслушанная истина была простой и ошеломляющей одновременно. Мать его не успела эвакуироваться, как и многие жители Одессы. И чтобы как-то прокормить себя и стариков-родителей, пошла работать официанткой в немецкое казино.

Потом ходила, как говорили в Лузановке, с «пузом». А в марте сорок четвертого родила. От кого именно – тут мнения расходились: то ли от немецкого обер-лейтенанта, которому стирала белье, то ли от итальянца-капрала, служившего в комендатуре. Он даже приезжал за ней в Лузановку на извозчике. А может, от румынского суперинтенданта, которого в Лузановке людская молва честила не иначе как «пьяной усатой бессарабской мордой».

Тысячи раз потом восьмилетний, девятилетний, десятилетний, двенадцатилетний Валерка Салютов стоял перед зеркалом и смотрел, смотрел на себя, ища в своем таком знакомом лице их черты.

А потом, много лет спустя, когда он стал уже взрослым, а мать умерла, Салютов решился заговорить об этом с единственным человеком, знавшим правду, – с тетей Полей, сестрой матери. Заговорил, называя вещи своими именами, грубо и безжалостно, допытываясь, кто же, ну кто же на са-

мом деле был его отцом? Тетя Поля заплакала и сказала, что он не прав и что он никого не может судить. Что мать его действительно работала в казино официанткой, а там на русскую прислугу немцы смотрели как на завоеванную собственность. Тетя Поля клялась, что все это произошло в результате грубого насилия. Ну, конечно же, в результате насилия! А мать потом едва не сошла с ума, узнав, что беременна, и его, Салютова, когда он родился, называли совсем не Валерием, а... (А как? – спрашивал он. – Как?! Кто называл, отец?). Но тетя Поля твердила, что она не помнит, что это совсем не важно. Главное то, что его отец, его истинный отец, вернувшись с войны, все понял, простил и остался в семье, приняв и жену, и сына. Остался совсем не потому, что был убогим калекой, как про то болтают злые лузановские языки, а потому, что искренне любил жену, любил так, что сумел простить ей даже это, поставив единственное условие, чтобы у его сына было новое имя, которое он выберет ему сам.

А потом Салютов узнал и еще кое-что, уже от отца. И ему стало понятно, почему отец простил мать и принял его.

Отец рассказал историю своей женитьбы на матери. Рассказал лишь потому, наверное, что был сильно пьян. Рассказал, что было в Лузановке три сестры. И он сначала ухаживал не за матерью, а за самой старшей из сестер – Верой. Тогда, перед самой войной, он был инструктором в городском летном клубе, а Вера работала на железнодорожном коммута-

торе телефонисткой. Средняя из сестер, Поля, поступила на провизорские курсы, а младшая, Женя, – будущая мать Валерия – только-только закончила школу. Отец познакомился с ней на вечере танцев в клубе железнодорожников: Вера, с которой в то время он уже жил и даже осенью обещал жениться честь по чести, привела свою младшую сестру на танцы.

Играл аккордеон, и они танцевали. Был май 41-го. После танцев он проводил обеих сестер домой и сказал Вере, что в первые же выходные придет свататься.

И пришел с букетом белой сирени. Только посватал у родителей не старшую, Веру, а младшую, Женю. Отец сказал Салютову, что и сам не знает, как это тогда вышло. Это было как вспышка молнии. Той же ночью Вера бросилась под поезд на станции Одесса-Сортировочная. Как Анна Каренина – под товарняк. С углем, что грузили в порту на пароходы.

А потом началась война. И они с Женей расписались, как только он получил повестку. И еще отец сказал, что, когда уходил на фронт, был уверен, что живым не вернется. Перед самоубийством Вера оставила записку, где горько проклинала и его, и сестру-разлучницу, и их будущий брак.

Но отца на войне не убили. Он вернулся – искалеченный, но живой. И принял все то, что ожидало его дома.

Принял все это со временем и Салютов. Правда, всегда помнил, что слово *казино* в детстве ассоциировалось у него с болью и стыдом. А потом вдруг...

В пятьдесят шестом мать умерла от туберкулеза. И в этом же году в одесском кинотеатре он увидел старую трофейную картину. Там показывали казино. Он увидел своими глазами, что именно означает ненавистное, непонятное, запретное слово. И был ошеломлен, сбит с толку, удивлен, восхищен, поражен до глубины души.

Тот ветхий, затертый в бесчисленных показах фильм про фантастически красивую, как говорили в Лузановке – «буржуйскую» жизнь он смотрел потом бессчетное количество раз. Из-за короткого эпизода: герой в смокинге и героиня в бальном платье входят в роскошный, освещенный хрустальными люстрами, полный народа зал, где...

– Валерий Викторович, ваших привез. Наверху в зале собрались. И Филипп Валерьевич приехал. Тоже там. Это... Ну, приятеля-то его мы пока попросили внизу, в баре остаться. Как вы и распорядились, чтобы не было чужих. Только свои.

Салютов вздрогнул: он все еще стоял на ступенях Дома. Снег сыпал на его пальто, на непокрытую голову. А перед ним стоял Равиль, возвращавшийся к машине. Салютов кивнул ему и шагнул к двери. Швейцар, вышедший встречать хозяина, распахнул ее перед ним бесшумно и услужливо. Как робот.

Глава 4. НОЧКА ПОД РОЖДЕСТВО

Глеб Китаев находился в крайне дурном расположении духа. С некоторых пор он не мог отделаться от чувства, что все они внезапно попали в черную полосу.

Если бы его шеф и работодатель Салютов спросил его мнения, Китаев ответил бы, что сейчас, в данную минуту в данной ситуации не нужно ничего – ни этих сороковин наверху, в личных апартаментах Салютова, ни визита в Генеральную прокуратуру, ни переоборудования бильярдного зала.

Если бы Салютов поинтересовался мнением своего начальника службы безопасности, то Китаев ответил бы: я советую вам, Валерий Викторович, на месяц-другой поехать отдохнуть, поправить здоровье куда-нибудь подальше. Пляжи Тенерифе, например, подойдут, или Мальдивы, или Большой Барьерный риф. Но его мнения Салютов не спрашивал. И поступал, как всегда, по-своему. И это Глебу Китаеву чрезвычайно не нравилось.

Вот и сейчас. На кой черт Салютов притащил сюда, в «Красный мак», семью?! Эту свою чертовку-бабку, которая уже давно выжила из ума? Китаев ничего не имел против крепких родственных чувств своего босса, но не до такой же

степени!

Эта впавшая в маразм старуха, обрабатываемая дома сразу тремя сиделками, нанятыми Салютовым, даже когда ее с горшка сдувает, рассказывает о семье разное непотребство. И кому рассказывает – всем! В основном прислуге: домработницам, горничным, шоферу Равилю, охраннику Феде. Китаев, имевший среди obsługi особняка Салютова доверенных лиц, просто не мог допустить, чтобы глубоко личные и не всегда приглядные сведения о семье просачивались наружу.

Но что он мог поделать, если эта восьмидесятилетняя чертовка звонила всем и каждому, что, мол, по грехам и кара, что полвека назад салютовские родители, по существу, совершили преступление, доведя до самоубийства ее обожаемую сестру, и та, умирая, прокляла весь их род до седьмого колена. Потому-то и мать Салютова умерла молодой, и отец вернулся с войны калекой. И жена самого Салютова после рождения второго сына Филиппа заработала нечто вроде родового психоза и почти восемнадцать лет мучила всю семью до самой своей смерти, царствие ей небесное. Потому-то и старшенький Игорь – свет ее очей, надежда на старости, разбился на машине. И на него, безвинного, пало проклятие.

На весь этот старческий бред самому Китаеву было наплевать. Но смириться с тем, что эту болтовню будет трепать на всех углах прислуга, – это было уже выше его сил! Но с Салютовым говорить об этом он не мог. С шефом за эти два

месяца вообще стало очень трудно разговаривать. Салютлов точно улитка замыкался в какой-то непонятной непроницаемой раковине. Конечно, горе отца можно было понять, но Китаев печенкой чуял, что дело тут не только в горе и скорби. Может, Салютлов постарел? Но нет, разве можно называть развалиной человека, у которого пока еще стоит дай боже как и который даже ночь перед визитом в Генеральную прокуратуру предпочитает провести не дома, а в постели шлюшки Вероники, а у той для каждого клиента – своя особая плата, а по выходным и праздничным дням – удвоенный тариф?

Вот и насчет допроса у следователя Салютлов не обмолвился ни единым словом. А надо бы, надо бы исчерпывающе проинформировать своего начальника СБ. Ведь Китаев ему не чужой, да и не дурак. Могли бы обсудить, обмозговать все вместе.

Ведь когда ЭТО произошло, когда замочили эту спесивую столичную административную шишку, кто, как не он, Глеб Китаев, сразу вспомнил ту дошедшую до него секретную информацию о крупном конфликте, в котором оказались замешаны многие очень влиятельные люди, в том числе и этот покойник, мир его праху, и Тенгиз Тариелович Миловадзе, более известный в «Красном маке», да и в других игорных залах столицы под прозвищем Хванчкара.

Больше всего сейчас Китаеву хотелось знать: спрашивали ли следователь прокуратуры на сегодняшнем допросе Салютлова о Хванчкаре? И если спрашивал, то что ответил его

шеф. От этого ответа зависело многое. Настолько многое, что даже страшно было подумать. Но Салютлов не соизволил проинформировать его, Глеба Китаева. Проигнорировал! И от такого пренебрежения или, возможно, преступного равнодушия (что еще хуже!) в душе Китаева кипела злость, а в сердце...

Сердце точно вампир посасывало смутное чувство тревоги и страха за будущее. Своему чутью Китаев всегда доверял. И сейчас чутье подсказывало: все они внезапно очутились в черной полосе невезения. И для того чтобы выбраться из нее, надо рационально все обдумать и понять, что же происходит.

Наверх, в личные апартаменты шефа Китаев подниматься пока погодил. Успеется отдать последний долг Игоряше Салютлову.

Пока превыше всего дела: следует проверить, все ли в порядке в «Красном маке». Китаев работал у Салютлова уже восемь лет. Но только три последних года возглавлял службу безопасности «Красного мака». До этого он год «стажировался» в «Кристалле». «Стажировка» была необходимой и негласной. Уходил, конечно, он оттуда со скандалом – там тоже сидели не дураки и догадались, что он был заслан с определенной целью. Но зато у Салютлова он приступил к новой должности начальника СБ не только хорошо подготовленным, но и весьма осведомленным о проблемах конкурентов.

В вестибюле гардеробщик Михеев, едва заведя его, доложил, что барахлит камера наружного наблюдения. Он, мол, уже жаловался швейцару Пескову и звонил вниз на пульт охраны. Там обещали проверить, но камера как не работала, так и не работает.

Китаев самолично позвонил на пульт – там его заверили, что причин для беспокойства нет: основная часть вестибюля, где расположены обменный пункт, касса по выдаче фишек, вход в бары и ресторан, полностью просматривается. «Темный» угол составляет всего лишь ничтожный участок вестибюля: гардеробная, туалеты, подъезд.

Китаев раздраженно приказал проверить систему еще раз, а гардеробщику Михееву еще более раздраженно посоветовал не лезть к нему с разной чепухой и работать на своем месте добросовестно и с полной отдачей.

Он уточнил в обменном пункте, когда приходила машина из банка и всю ли сумму, что была заказана еще до праздников, доставили. На Новый год ведь всегда такая морока с наличкой.

И тут к нему подошла Жанна Марковна – главный менеджер игорного зала, на языке «Красного мака» – пит-босс.

– Глеб, я за тобой. У нас там проблема.

– Я еще даже в зале не был. Народу много?

– Мало. – Жанна Марковна сунула руку в карман отлично сшитого, правда несколько смахивавшего на мужской, форменного черного пиджака (в отличие от красных форменных

курток крупье ее костюм карманы имел), достала сигарету, изящную зажигалку. Щелкнула, прикурила, затянулась.

– За вторым столом проигрыш, Глеб.

Китаев поморщился – ну вот, я так и знал. Полоса невезения в действии.

– Не наш, – сразу успокоила она, увидев его реакцию, – клиента. Завис у стола, не может остановиться.

– Сколько уже проиграл?

– Семь тысяч.

Китаев усмехнулся.

– Для него сейчас это крупно. – Жанна Марковна нервно затянулась. – Проблема в том, что он уже дважды занимал деньги у своего соседа по столу.

«Попрошайка, чтоб его черти взяли!» Китаев снова поморщился и буркнул:

– А дежурная смена по залу, что – не знает, что делать?

– Они пытались. И я пыталась. Все дело в том, что это...

Жанна Марковна прошептала Китаеву на ухо фамилию проигравшего клиента. Это была известная фамилия: беспутный сын всеми уважаемого отца-политика, лидера фракции, партии и движения.

– Если они начнут вмешиваться, он затеет скандал. Он и так уже на грани истерики от проигрыша, – продолжала излагать ситуацию Жанна Марковна, – еще мальчишка совсем. К тому же, правда, я не совсем в этом уверена...

– Ну, что еще?

– Кажется, до приезда к нам он где-то успел нанюхаться.

– А вы куда смотрели?

– Это не ко мне претензии, Глеб. Я отвечаю за зал. Идем, все сам увидишь.

Китаев направился за ней в Большой зал. Если бы он только знал, что произойдет в казино «Красный мак» спустя каких-то полчаса, он бы ни за что этого не сделал.

С самого обеда гардеробщик Михеев чувствовал себя не ахти как. Мутило, и голова кружилась. К вечеру вдобавок начало еще и познабливать. Михеев был полон мрачных подозрений, что заболевает всерьез. Грипп – это вечное проклятие зимы, дамоклов меч, занесенный над каждым имеющим сносно оплачиваемую работу в коммерческой структуре.

Грипп, да еще с высокой температурой, означал неделю-полторы вынужденного домашнего ареста. А никто не дал бы гарантии, что через неделю место гардеробщика в «Красном маке» будет все еще вакантным. Помимо зарплаты и ежеквартальных премий, место это приносило еще и неплохие чаевые. Так что охотников потеснить Михеева за стойкой красного дерева гардеробной нашлось бы немало.

К половине девятого терпеть стало совсем невмоготу. Тошнило все сильнее. Михеев засомневался, что у него грипп, и начал всерьез подумывать об отравлении. Он смутно помнил, что симптомы пищевого отравления проявляются через шесть часов. Он обедал перед заступлением на вечернее бдение в гардеробной, как раз шесть часов назад. Не

хватало еще, чтобы его вывернуло наизнанку здесь, на глазах у привередливых клиентов, да еще на чью-нибудь тысячную шубу или шиншилловый палантин.

Публика прибывала. Хотя в этот вечер гостей, желавших скоротать время за игрой, все же было меньше, чем обычно. «Праздники, – сумрачно думал Михеев, – не очухались еще». И тут он ощутил, что желудок с минуты на минуту откажет ему повиноваться.

Он вышел из-за стойки. Первой мыслью было рвануть в туалет, благо двери рядом, в двух шагах. Но спазм неожиданно отпустил. И Михеев решил пройти в диспетчерскую, на пульт, где у охранников дежурной смены, наблюдающих за происходящим в залах казино через мониторы, есть аптечка. А в ней наверняка найдется бисептол, имодиум или, на худой конец, обычная марганцовка.

Михеев открыл входную дверь и вызвал в вестибюль швейцара-охранника Пескова. Они были дружны. Именно Песков подыскал Михееву это хлебное место. В прошлом году оба служили в одном полку под Мурманском. И после сокращения и расформирования части обоим повезло: у них нашлись родственники в Подмосковье, которые и помогли им обосноваться на новом месте.

Пескова в «Красный мак» взял из рядового ЧОПа сам Глеб Китаев. Ему приглянулся высокий рост и суровый вид бывшего офицера. К тому же Песков неплохо стрелял, в армии даже входил в сборную округа по стендовой стрельбе.

Его должность в штатном расписании казино звучала солидно: «швейцар-стрелок». Именно он должен был стать форпостом охраны и защиты кассы и обменного пункта в случае неожиданного нападения.

Немногие из посетителей «Красного мака» догадывались о том, что у этого угрюмого сорокалетнего здоровяка, открывавшего им дубовую дверь и вежливо желавшего приятного вечера, под форменной щегольской швейцарской курткой с золотыми галунами имеется в кобуре пистолет «ТТ».

Пескова Михеев и попросил приглядеть за стойкой пару минут, пока он спустится вниз за таблетками. Песков согласился. Михеев стремительно пересек вестибюль и ринулся вниз по служебной лестнице в диспетчерскую. А швейцар Песков облокотился о стойку. За его спиной негромко журчал фонтан.

Этот фонтан с разноцветной подсветкой в центре вестибюля считался одной из достопримечательностей казино. В день открытия «Красного мака» фонтан бил не водой, а красным французским вином десятилетней выдержки. Фонтан изображал Фортуну с рогом изобилия в руке, у которой, правда, отчего-то были завязаны глаза, что делало ее подозрительно похожей на слепую богиню правосудия.

Песков грелся и слушал фонтан. На мониторе у двери, показывавшем подъезд, двор и стоянку, появилось изображение машины. Чей-то лимузин двигался в конце освещенной подъездной аллеи. Песков вздохнул и направился к входной

двери встречать очередного клиента. И тут услышал за спиной тихий скрип и стук. Это открылась и закрылась дверь туалета. Дверь темного мореного дуба с ярко начищенной, сияющей, как солнечный зайчик, позолоченной ручкой.

Салютов стоял на застекленной веранде, превращенной в зимний сад, и наблюдал, как в дверях водитель Равиль разговаривает с его сыном Филиппом. С некоторых пор Салютов и Филипп с трудом обходились без посредников. В разное время в разных обстоятельствах посредниками бывали и Китаев, и Равиль, обслуживавший непосредственно семью, и вдова старшего сына Марина Львовна, и главный менеджер игорного зала Жанна Марковна.

С некоторых пор для того, чтобы донести до младшего сына свою волю или свои пожелания, Салютону приходилось прибегать к помощи третьих лиц. Один на один у них разговора не получалось. Вот и сейчас Равиль был послан сказать Филиппу, что семья не желает видеть за поминальным столом его друга, которого он с некоторых пор всюду таскает за собой и которого все в «Красном маке» знают лишь по его прозвищу – Легионер.

Поминки должны были начаться уже четверть часа назад. Стол для семьи накрыли не в ресторане, а наверху, в банкетном зале, возле кабинета Салютова. Стол был накрыт на пятерых – то есть только на семью и особо приглашенного Глеба Китаева.

Салютов с тоской вспомнил иные столы и иные времена.

Сколько приглашенных было пять лет назад здесь, в ресторане, по случаю открытия «Красного мака»! А сколько гостей собралось на свадьбу сына Игоря и Марины годом позже, а еще годом позже на крестины внука-первенца. Да и во время похорон Игоря сорок дней назад на Николо-Архангельском кладбище и на поминальной тризне было море людей и море цветов. И вот изо всех осталось лишь пять человек: трое мужчин и две женщины. И даже в таком узком семейном составе они все никак не могут начать поминки, потому что...

Потому что, видите ли, его младший сын Филипп – подомашнему Липа, этот самовлюбленный, эгоистичный, избалованный разгильдяй, заявил им всем – отцу, старой бабке и вдове своего брата, что, если они не пригласят этого гребаного Легионера, его ноги тоже не будет в банкетном зале!

Он, щенок, смеет ставить семье условия в такой день, когда... Салютов почувствовал, что у него темнеет в глазах. Он видел, что Филипп, разговаривая с Равилем, все время смотрит в сторону зимнего сада. Значит, он видит отца и сознательно нарываяется на скандал. Ну что ж, кто посеет ветер, тот пожнет...

Громкие быстрые шаги за спиной, скрип паркета.

– Валерий Викторович! Скорее!

Салютов круто обернулся. Прямо на него неся охранник из дежурной смены игорного зала.

– Что вы так кричите? Я же не глухой.

Охранник наклонился к Салютову, и по его лицу, тревож-

ному и изумленному, тот, еще не слыша новостей, понял – что-то стряслось. Причем только что, несколько минут назад.

Глеба Китаева вызвали в вестибюль с пульта охраны, куда он спустился сразу же, как только недоразумение с проигравшимся в «блэк джек» клиентом было общими усилиями кое-как улажено и замято. После долгих уговоров клиента «отлепили» от карточного стола, и по тихому приказу Китаева один из охранников сопровождал его в бар угощать за счет заведения. Таковы были правила казино, там, кстати, значилось и то, что с этой самой минуты имя клиента, замеченного в приставаниях к гостям с просьбой одолжить денег, будет занесено в так называемый особый список. Клиент, несмотря на громкую фамилию папаши, перешел в персоны нон грата и в следующее свое посещение «Красного мака» вряд ли бы проник дальше подъезда.

Китаев доложил об этом досадном инциденте Салютову по телефону, сказал, что проведет летучий инструктаж с заступившей на дежурство новой сменой охраны и сразу же поднимется в банкетный зал к семье. Только повесил трубку, и тут:

– Глеб Арнольдович! Беда! – В диспетчерскую ворвался один из охранников. – У нас там мертвец! Народ собрался – говорят, у нас в туалете кто-то только что застрелился!

– Что?! – Китаев не верил своим ушам. – В туалете? У нас? Застрелился?! Где Тетерин?!

У дверей туалета в вестибюле уже действительно собрался народ. Какой-то лысый мужчина в дорогом костюме, бледный и взволнованный, что-то сбивчиво объяснял подоспевшим охранникам.

Китаев растолкал всех, рванул на себя тяжелую дверь туалета и вдруг услышал за спиной тревожный женский крик:
– Глеб, Глеб, что случилось?

Вконец ошарашенный, он обернулся и...

Спотыкаясь на высоких каблуках, путаясь в длинном черном вечерне-траурном платье, по лестнице бегом спускалась Марина Салютова. Китаев от неожиданности потерял дар речи. Марина чуть не упала на последней ступеньке – он едва успел подхватить ее.

– Глеб, что случилось, ради бога... Скажи мне... Кто-то застрелился? – Она задыхалась, как победительница марафона. – Кто это? Кто, скажи...

И вдруг она осеклась. Лицо ее застыло. В глазах – это Китаев надолго запомнил – появилось какое-то странное тупое удивление или непонимание...

По лестнице быстро спускался Салютов.

Китаев отстранил цеплявшуюся за него женщину и вошел в туалет. В курительной – просторной, сияющей чистотой – было пусто. Пуста была и стойка из белого пластика, за которой обычно восседал Сан Саныч Тетерин – «человек туалета».

Китаев пересек курительную – розовый мрамор облицов-

ки, зеркала, итальянские раковины, – вошел в туалетную комнату. Из-под двери второй кабинки по кафельному полу сочилась тоненькая струйка цвета граната. Китаев толкнул дверь – она оказалась не заперта.

Навалившись грудью на унитаз, в кабинке ничком лежал мужчина в черной форменной куртке с золотыми галунами. Руки его все еще судорожно обнимали фаянсовый бачок. Фуражка с золотым околышем валялась рядом. Лицо было залито кровью, но Китаев сразу же узнал мертвеца. Это и был «человек туалета» Сан Саныч Тетерин.

Глава 5. НИКИТА

Картина была вроде бы вполне типичная. Кроме одной детали – стреляной гильзы. По логике вещей, ее должны были сразу же найти. Но не нашли.

Но все по порядку.

Для начальника отдела убийств областного ГУВД Никиты Колосова, честно говоря, являлось малоприятной загадкой, как это дежурный по главку сумел отыскать его вечером 5 января в Скарабеевке у Биндюжного?

Новый год справляли душевно. Более душевного праздника Колосов не припомнил. Вечером 31 декабря он и его закадычный кореш – Николай Свицерко (РУВД Северного речного порта), встретившись у «Водного стадиона», махнули к общему другу, соратнику и коллеге Ивану Биндюжному. Тот звонил еще накануне, приглашал. В отличие от москвича Свицерко Биндюжный, как и Никита, был областник. Знакомы они были давно. Оперативником Биндюжный слыл весьма толковым, даже, как говорили, талантливым. К тридцати годам, поощряемый руководством, дорос до начальственных высот в районном отделе милиции.

Но счастье оказалось переменчивым. В результате серии крупных катастрофических неудач личного плана (скандальный развод с женой, которая сразу же бессердечно выскочила замуж за его товарища, благополучно родив ему

близняшек-двойняшек) Биндюжный запил.

Освободить его от стойкой зависимости не смогли ни угрозы и увещевания друзей, ни грозные выговоры начальства. Биндюжного понизили в должности снова до рядового опера и сослали в «отстойник» – Скарабеевское отделение милиции, слывшее в районе тихим, отсталым углом.

От прошлой жизни у Биндюжного сохранился в Скарабеевке скворечник на шести сотках в полудохлом садовом товариществе, где он теперь и обитал летом и зимой, ржавые «Жигули», дворняга Химка и плешивый больной медвежонок Хоттаб, которого спас от браконьеров и подарил Биндюжному двоюродный брат-лесник.

Правда, кроме дома-скворечника, на шести сотках у Биндюжного, к счастью, имелась еще и баня. Он срубил ее собственноручно, угробив на этот каторжный труд весь свой отпуск. В эту самую новенькую, пахнущую сосной и липой баньку он и настойчиво зазывал встречать новый век всех своих друзей-корешков. И съехалось их 31 декабря в Скарабеевку немало.

Париться – жестоко, всей ордой начали еще с вечера. К бане подогнали колосовскую «девятку» и врубили на полную мощность магнитолау, чтобы за мыльной суетой не пропустить бой курантов.

Ровно с двенадцатым ударом вспомнили и о «господах офицерах» (кто-то сказал «товарищи»): разливали по кружкам, стаканам, ковшам, котелкам, зычно оглашая тосты. По-

том снова жарко хлестались вениками и снова разливали, наполняли, оглашали: за присутствующих, за отсутствующих, за тех, кто на службе, дежурстве и в Чечне, за плавающих и путешествующих (Свидерко вдруг после третьего стакана с тревогой вспомнил о путешественнике Федоре Конюхове и предложил по-быстрому выпить за то, чтобы тот, не дай бог, не утонул в своем Тихом океане), за женщин (увы, их пока еще не было на этом банном мальчишнике), за настоящую любовь.

Последний тост заставил многих загрузить. Свидерко, например, вспомнил загадочную женщину-экстрасенса, пришедшую к нему в розыск с заявлением о краже сумочки из каюты теплохода во время плавания по маршруту Москва—Плес. Он дважды потом расспрашивал ее о приметах похищенных вещей, но так и не посмел открыться во внезапно вспыхнувшем чувстве.

Биндюжный, подкидывая дрова в раскалившуюся докрасна печку, вспомнил, как они жили с бывшей женой. Неплохо ведь жили, блин! И что ей было надо?

А Никита... Если бы Катя, находившаяся в это время далеко-далеко за лесами, за полями, снегами и сугробами, узнала о том, как встречает новый век начальник отдела убийств, она наверняка бы удивилась некоторой поразительной схожести деталей ритуала этой встречи. Или ритуал этот и правда стал настоящей народной традицией со времен «С легким паром»?

Но Катя в это время даже и не задумывалась об этом. А Колосов... В общем, когда пили «за настоящую любовь», лицо начальника отдела убийств было непроницаемым. Можно сказать даже – каменным. Чуть ли не чугунным.

А потом ему в ногу как пиявка вцепился этот чертов медвежонок, которого гости Биндюжного зачем-то приволокли с собой в баню и который таким образом выражал свой резкий протест.

Следующие за баней дни Никита помнил смутно. Кажется, второго числа с соседней спортивной базы подъехал еще народ. С ним появились два новеньких фирменных снегохода-скутера, один из которых уже третьего числа во время соревнований по преодолению скарабеевского оврага с крутыми отвесными склонами утопили в сугробе. Снегоход вытянули четвертого числа неизвестно откуда взявшимся крапом. И вот как раз после этого знаменательного события в доме Биндюжного появились женщины.

Кажется, они тоже приехали со спортивной базы, иначе откуда бы им взяться? Их было три: Рита, Вика и Валентина. Колосову больше всех приглянулась Валентина. Она сидела напротив него за столом и попросила прокатить ее на машине.

Из всего последующего пестрого обилия впечатлений Колосову особенно запомнились настойчивые советы Биндюжного не ездить по эту сторону от Скарабеевки, потому что там выезд на Рублевку, гайшники – все сплошь «москвичи»

и русского языка не понимают. Еще запомнились губы Валентины, дышащие сладким домашним ликером-настойкой, и ее полное круглое колено, обтянутое черным чулком.

В машине, конечно, было тесновато, но ради женщины Никита был способен и не на такие подвиги. Однако, когда совсем стемнело, Валентина вдруг неожиданно попросила отвезти ее домой в поселок Пасечный, и побыстрее, потому что «муж» должен был «вот-вот вернуться».

В результате этих разъездов Колосов вернулся к Биндюжному поздно, перебудив всю честную компанию.

С утра пятого января решили поправлять здоровье. Биндюжный снова истопил баню, за забор в сугроб выкинул два мешка пустой тары. Гости помаленьку пришли в себя. Кое-кто уже храбро растирался на улице снегом. Никита разделся до пояса и пошел колоть дрова. И колол их, как Железный Дровосек, пока не устал махать топором.

Мысли в голове роились все больше спокойные и приятные. А в теле живо еще было воспоминание о сладкой вчерашней истоме.

Обедать сели поздно – время уже близилось к ужину. Хозяйственный Биндюжный сварил кастрюлю борща. Нарезал домашнего сала, протер стаканы. Свидерко поил из самодельной соски кефиром брыкавшегося медвежонка, одновременно пытаясь исследовать, кто перед ним – самец или самка. Колосов подкинул дров в печь, сладко потянулся и...

И тут у него в куртке, брошенной на промерзшей террасе,

заработал мобильник. Тут надо уточнить, что телефон свой Колосов отключил еще 31-го числа. Потом время от времени включал, поздравлял кого-то, снова выключал. Ну и, видно, забыл выключить, просчитался.

Звонил бессонный бдительный дежурный по главку. Сообщение было кратким: на Рублевском шоссе в игорном комплексе «Красный мак» вроде бы самоубийство. Но, возможно, и криминал – это еще не ясно. Вы, Никита Михайлович, в непосредственной близости дислоцируетесь, в Скарабеевке. Вам и ехать на место происшествия.

Колосов впервые в жизни попытался отбояриться от вызова: но ведь неясно, что это – криминал или очевидка! Пусть сначала едет участковый, разберется и доложит. Дежурный парировал: местный участковый, обслуживающий территорию, на звонки не отвечает, попробовали его найти через дежурную часть отделения милиции – не нашли. «А прокуратура? – не сдавался Никита. — Если там, блин, криминал – пусть прокуратура выезжает!»

«Праздники, Никита Михайлович, – возразил дежурный. – Сами знаете, какая сейчас прокуратура!» – «А дежурная группа?!» – Колосов ухватился за последнюю соломинку. «Заняты по другому делу, – тон дежурного был уже почти сочувствующим. – А вы там рядом, Никита Михайлович, близехонько. И ведь все равно я от руководства туда кого-то должен послать? Должен. И если там не криминал, а чистый суицид, вы мне с места позвоните, а я к тому времени вам

на подмогу местных из отделов подошлю».

«Суицид! Где ты таким словам только выучился?» – горько подумал Никита. Еще горше было думать об огненном борще, стывшем на столе.

Однако Биндюжный, оставив тарелки и поварешку, как настоящий друг решил сопровождать его. Хоть Рублевское шоссе и «Красный мак» – совсем не его участок.

Свидерко оставили присматривать за печкой, чайником и медвежонком. Несмотря на растирание снегом, он пребывал еще в таком виде, в каком милиционера вообще лучше не показывать людям гражданским.

По дороге к месту происшествия Колосов и понятия не имел, что его ждет в этом самом «Красном маке». И что это вообще за место, в котором он никогда прежде не бывал, а лишь читал о нем в «Досуге» или изредка видел с шоссе его яркие призывные огни.

Огромное светящееся панно на фасаде крепкого двухэтажного особняка из красного кирпича, крытого настоящей черепицей, вблизи впечатляло еще больше, чем издали. Если бы не эта яркая пульсирующая реклама и мигающие в ночи багровым светом гигантские буквы вывески, дом можно было бы принять за загородный замок какого-нибудь немецкого фабриканта где-нибудь на Рейне.

От шоссе к дому вела широкая расчищенная от снега основная аллея. У подъезда, отделанного серым мрамором, скопилось около десятка дорогих иномарок. Колосовская «де-

вятка» – битая и черная, точно жужелица, выглядела на их фоне жалкой железкой.

Однако встречать железку высыпало на мраморные ступеньки немало народа – человек шесть охранников под предводительством хмурого дородного субъекта, коротко стриженного по причине начинающей уже лысеть макушки. Он был без пиджака – в одной белой рубашке, со съехавшим набок модным галстуком и отрекомендовался начальником службы безопасности казино Глебом Арнольдовичем Китаевым.

– Вы из милиции? Наконец-то! Из угрозыска? – спросил он Колосова. – Вас только двое? Слава богу! Нам не нужна лишняя огласка. Ну, проходите, проходите...

– Вы в милицию звонили? – спросил Биндюжный, оглядываясь по сторонам. – Что же это такое здесь у вас? Вроде приличное место, а клиенты с собой кончают? Нехорошо. Некрасиво.

– Это не самоубийство. – Китаев оттолкнул от дверей высокого швейцара и сам распахнул перед ними дверь в вестибюль. – Убит наш работник. Застрелен из пистолета в затылок.

Вот так и началось знакомство Никиты с «Красным маком». С казино – или как его называли многие из тех, с кем ему довелось познакомиться и пообщаться, с Домом. Казино в переводе с итальянского – дом, – любезно просветил его в приватной беседе владелец «Красного мака» Валерий Вик-

торович Салютков. Это произошло много позже, но именно с этого разговора Колосова не покидало впечатление, что этот человек умел вкладывать некий особый смысл во вроде бы самые избитые, банальные и сентиментальные фразы.

Первое же впечатление от вестибюля казино было одновременно ярким и сумбурным: хрустальные люстры, мелодично журчащий фонтан в центре, широкая мраморная лестница, уводившая на второй этаж. Вестибюль, где находились гардероб, касса для выдачи фишек, обменный пункт, ресторан и два бара, был огромен, как вокзал, и на удивление безлюден. Только возле дубовой двери справа от гардероба дежурили двое охранников да из обменного пункта и кассы высывались встревоженные, любопытные служащие.

Китаев начал объяснять, что посетителей казино он лично уговорил до приезда милиции находиться там, где их застало известие об убийстве, – в игорных залах, в барах, в ресторане, в гостиной и не толпиться в вестибюле.

Он пояснил, что сегодня в казино, к счастью, небольшой наплыв публики, что по его строжайшему распоряжению на месте убийства никто ничего не трогал. Что он первый опознал тело – «это наш сотрудник Тетерин Александр Александрович – швейцар-смотритель туалетов и курительной комнаты, шестидесятилетний пенсионер, вот уже пять лет работающий в казино, а до этого служивший завскладом на фабрике лакокрасочных изделий в поселке Михнево, акционированной владельцем казино Салютковым еще в 1993 году».

– Где труп? – перебил его Колосов.

– В туалете. Но, может быть, вы сначала с задержанным хотите поговорить? Он в комнате охраны, там с ним мои люди, – ответил Китаев.

Никита пожал плечами. Пока он ничего не понимал. Но, честно признаться, убийство вообще его пока не интересовало. Место осмотра – хоть стой, хоть падай – сортир, очко. Он оглядел шикарный вестибюль. Где-то здесь, в глубине здания, расположены игорные залы. Это, наверное, отсюда сюда доносится глухое жужжание человеческих голосов. Там бурлит жизнь, кипят страсти. Колосову хотелось заглянуть туда. Его уже терзало любопытство. Ибо казино «Красный мак» совершенно не походило на те заведения, которые он в изобилии перевидал за годы своей службы в розыске.

То были темные полуподвальные игорные притоны – нечто среднее между пивной и бильярдной. Этих казино, особенно в последние годы, и в столице, и в области открылось пруд пруди. Они возникали, закрывались и снова появлялись, как грибы после дождя. И названия их были под стать владельцам и публике, их посещавшей, – «Рио-Рио», «Эльдорадо», «Фламинго», какое-то «Эль-Параисо».

Казино «Лас-Вегас» – холодный полуподвальный зал в бывшем городском бомбоубежище – было, например, открыто кастровской ОПГ в сонном подмосковном Щукине. А казино «Имperiал» – в поселке Малые Стрельцы. Эти игорные заведения существовали до первой проверки, затем тихо

лопались, чтобы через несколько месяцев снова воскреснуть где-нибудь в Егорьевске или Дальних Тутьшах под именем какой-нибудь новой «Касабланки», «Клондайка» или «Ака-пулько».

«Красный мак» отличался от подобных забегаловок, как отличается от медной линиялой копейки николаевский золотой.

И Никиту, волей случая оказавшегося здесь, терзало жгучее любопытство. И еще он чувствовал, что убийство пенсионера, которое он должен расследовать, его сейчас абсолютно не колышет. Не колышет его и какой-то там задержанный. Ему сейчас просто не терпится пройти в зал и посмотреть, что там есть и кто, как и во что там играют.

– Извините, позвольте нам уехать!

Это произнесла женщина за его спиной. Произнесла вроде бы властно и вместе с тем почти умоляюще.

Колосов оглянулся. Откуда-то из-за помещения кассы для выдачи фишек в дальнем конце вестибюля появились трое: высокая брюнетка в длинной шубе из роскошной чернобурки, плотный крепыш в рыжей короткой дубленке нараспашку и сгорбленная старуха в хорошей каракулевой шубе, сшитой по моде, опиравшаяся на руку крепыша и на свою палку.

– Позвольте нам уехать, – повторила брюнетка в чернобурке.

Колосов посмотрел ей в лицо и осознал, что перед ним очень красивая молодая женщина.

Китаев глухой скороговоркой пояснил, что это родственники владельца казино Салютова, а также его личный шофер, что они приехали на поминки старшего сына Салютова, которые теперь уже, видимо, не состоятся.

Никита снова ничего не понял – поминки? Тут еще и какие-то поминки. Еще, что ли, один покойник?

Но задерживать эту троицу у него пока не было никаких оснований. К тому же сначала все-таки надо было поглядеть на труп.

С Биндюжным они не сговаривались: хотя это был и не его участок, Биндюжный приехал сюда не баклуши бить. И в отличие от Колосова «Красный мак» особого впечатления на него не произвел. Он вышел вслед за родственниками, приехавшими на поминки, а Никита, ведомый Китаевым, наконец-то вошел в туалет.

Спустя двадцать минут он по мобильному уже названивал дежурному по главку. Смысл беседы был прост: хоть из-под земли, а доставай сюда прокуратуру. Без следователя, эксперта и патологоанатома здесь делать нечего.

Убитый, опознанный как гражданин Тетерин, был действительно застрелен из пистолета. Причем скорее всего с глушителем, потому что, по словам Китаева и охраны, выстрела никто не слышал. Судя по состоянию тела, убийство было совершено около часа назад, то есть – тут Никита глянул на часы – где-то в половине девятого вечера плюс-минус четверть часа.

Ранение было в затылочную область черепа, слепое. Пуля осталась в теле, а вот гильза...

Колосов внимательно осмотрел кафельный пол в туалете, заглянул под унитазы, в кабинки, за корзины для бумаги, под раковины. Стреляной гильзы нигде не было. А по логике вещей она должна была быть, если, конечно, по фатальной своей траектории не залетела в унитаз и не утонула в канализации... Или же...

– Ничего по-прежнему здесь не трогайте и никого в туалет не пускайте, пока не придет следователь прокуратуры, – приказал он Китаеву, следовавшему за ним как тень. – Кто у вас там задержан? Почему?

Объяснение снова было дано обстоятельное: как только стало известно об убийстве, среди посетителей казино возникла маленькая паника, которую, впрочем, быстро удалось погасить. Посетителей пока попросили оставаться на местах, и почти подавляющее большинство отнеслось к этой просьбе службы безопасности с пониманием. Но один из клиентов повел себя неадекватно. Едва лишь прозвучало слово «милиция», он ринулся к двери, забыв даже про оставленное в гардеробе пальто. Он был остановлен швейцаром Песковым и попытался оказать ему сопротивление, которое, впрочем, тут же было пресечено. Так как он вел себя крайне подозрительно, охранники обыскали его и обнаружили в кармане пиджака пистолет, а в другом пять пакетиков героина.

Вполне можно допустить, развивал далее свои мысли Ки-

таев, что задержанный являлся сбытчиком наркотиков. А именно для ограждения гостей от подобных типов службой безопасности казино и введена была должность смотрителя туалетов.

Возможно, предположил Китаев, задержанный пытался продать дозу кому-то из гостей и на этом был застигнут Териним. Тот хотел предупредить охрану и получил за это пулю.

– В затылок-то? – хмыкнул Никита. – Ладно, давайте показывайте – кого вы там взяли. А потом я хочу поговорить с вашим швейцаром, который его задержал. И... тут гардероб рядом? И с гардеробщиком тоже.

Задержанный сидел в комнате охраны, из вестибюля пришлось спускаться в полуподвальный этаж по служебной лестнице – именно она и располагалась за кассой. Впоследствии, когда Никита составил для себя подробный план этого обширного здания, ему стало много легче ориентироваться здесь. А пока он чувствовал себя в казино, как в настоящем лабиринте, в душе досадуя на то, что пока видит лишь задворки всего этого великолепия.

Задержанный был еще относительно молод. Одет он был довольно стильно. Никиту и его сопровождение он чуть ли не с порога встретил громким мятежным выкриком: «Что вы мне лапшу клеите, какое еще там убийство?» Никита впервые слышал, что «лапшу клеят», и любопытство его возросло.

– Представьтесь сначала, пожалуйста, – попросил он.

– Ну, Майский, фамилия моя Майский. Сергей. – Задержанный дернулся, и Никита увидел на его левой руке – на безымянном пальце – золотую печатку с бриллиантом, а на запястье золотую цепь, очень смахивающую толщиной на якорную.

– Это ваш пистолет и наркотики?

– Какой пистолет?

Глеб Китаев молча выложил на стол перед Колосовым пистолет и пять маленьких, аккуратно запакованных пластиковых мешочков с белым порошком.

– Это было у него в карманах, – сказал он, – никаких документов мы не нашли. Хотя фамилию он эту же сказал – Майский.

«Июньский», подумал Никита и повторил:

– Это ваш пистолет, уважаемый?

– Ну, мой, он же газовый!

Колосов взял пистолет. Действительно газовый, однако... Пистолет был профессионально переделан для стрельбы боевыми патронами. Более того, на стволе имелись четкие характерные царапины, что свидетельствовало о том, что, возможно, при стрельбе порой использовали и глушитель.

– Ну а героин ваш? – спросил он.

– А вы сначала докажите, что это героин, – ответил Майский.

– Да тут и доказывать нечего, – вмешался Китаев.

– Даже если так. Это я сам употребляю. Ну, наркоман, а это мое лекарство. – Майский хмыкнул.

– С какой же целью вы приехали в казино? – терпеливо спросил Никита.

– С какой сюда ездят? Играть, выиграть. Грошей выиграть.

– В карты, в рулетку?

– В бильярд.

– Бильярдный зал сегодня закрыт, – возразил Китаев. – Да что с ним разговаривать, – обернулся он к Колосову. – Он сюда к нам заявился героин сбывать. И пушка вон у него боевыми стреляет, и зазубрины на стволе, вот здесь – видите? Это он глушитель свинчивал впопыхах!

– Вы неплохо в оружии разбираетесь, Глеб Арнольдovich, – похвалил его Колосов. – Кстати, у кого-то из вашего персонала оружие имеется?

– У дежурной смены охраны, у швейцара, у меня. Все оружие официально зарегистрировано, оформлено, все лицензии есть, можете проверить. На вооружении в основном пистолеты «ТТ».

– Проверим, – Никита смущенно улыбнулся, словно извиняясь, – сами понимаете – порядок такой.

– По поводу убийства ничего не хотите сказать? – спросил он у притихшего Майского.

– Какого еще убийства?

– А того, едва услышав о котором ты к машине своей си-

ганул, — не выдержал Китаев, — того, что человека ты грохнул в туалете, служащего нашего, старика-пенсионера, когда он тебя, мерзавца, там с поличным, с наркотиками, поймал и шуганул!

— Кто? Твой уборщик-шестерка меня шуганул? — хмыкнул Майский, и Никита снова увидел, как сверкнул бриллиант на его печатке и звякнула золотая цепь. — Ты не рехнулся ли, часом?

— Не надо грубить, — сказал Колосов примирительно, — здесь убийство совершено. А у вас, гражданин, пистолет в кармане, героин. И вели вы себя на месте происшествия, по показаниям очевидцев, подозрительно. Так что не обессудьте — встретите праздники у нас.

— А ты бы как себя повел, интересно, с таким грузом в кармане, когда ментовка вот-вот нагрянет? — спросил Майский. — Насчет нар — это что, серьезно?

— Угу, — кивнул Никита.

— Да за что?

— За пистолет переделанный — это только для начала. Чистая статья.

— Черт! — Майский стукнул себя по колену. — Ну волки, ну вы даете! Культурно отдохнул, называется. Оттянулся. Справил Рождество!

— Помимо посещения казино, чем вы вообще занимаетесь? — полюбопытствовал Никита.

— Я поэт, — Майский посмотрел на пакетики, лежащие на

столе, – поэт от бога.

– А, круто, – согласился Колосов, – ну, не прощаюсь, еще увидимся.

– Вот подонок! – Китаев, когда они вышли из комнаты охраны, брезгливо поморщился. – И не сожалеет даже. Как его мои ребята в зал пропустили? Вот всегда так – чуть отлучишься, жди какого-нибудь ЧП.

– А вас разве здесь не было... – Никита чуть не обмолвился «в момент убийства»?

Китаев опередил: быстро, четко отрапортовал, что его с утра на работе не было, он сопровождал Салютова в деловой поездке. Вернулись они с шефом только к восьми часам вечера. Не успел он, Китаев, провести для заступавшей на дежурство смены летучку, как тут – бац!

Колосов послушал, подумал и попросил пригласить гардеробщика. «Михеев, – подсказал его фамилию Китаев, – он у нас уже два года работает». Михеев ждал в вестибюле у фонтана. Худощавый сорокалетний мужчина с нездоровым желтоватым цветом лица. Форменная черная куртка с золотыми галунами сидела на нем ловко, точно военный френч. Он очень сильно волновался. Волновался так, что у него даже дрожали руки. Колосова это сначала удивило.

Михеев начал путано и торопливо рассказывать, что заступил на рабочее место, как обычно, за полчаса до открытия казино, то есть в двенадцать часов дня. До самого вечера в «Красном маке» были лишь единичные посетители, да и те

приезжали не играть, а обедать в ресторане. К семи, правда, публика начала потихоньку прибывать, и тут...

Михеев жалобно посмотрел на Китаева. И тут...

– Вы Тетерина сегодня видели, разговаривали с ним? – Никита задал свой первый вопрос о потерпевшем.

– Конечно. Мы вместе днем на работу заступили. И потом я его еще в течение дня видел.

– Ничего необычного, странного не заметили?

– У Сан Саныча? Господи, нет. Что у Саныча необычного могло быть?

– Может, он говорил, что ждет кого-то?

– Да что вы! Он же на работе. Он из курительной комнаты два раза только и отлучался – вниз за газетами. Он кроссворды обожает... обожал очень. Ребята ему всегда откладывали. Потом он звонить домой ходил. У него жена больная, а сын пьяница. Всю семью замучил, жена его выгнала, он теперь у Тетерина живет и...

– С восьми до половины девятого в туалет кто-нибудь заходил? – резко спросил его Китаев. – Ты видел кого-нибудь?

– Я не видел, Глеб Арнольдович.

Китаев тяжело смотрел на него.

– Я ж вам докладывал, камера здесь барахлила, а я... я вниз в диспетчерскую отлучался. Живот что-то скрутило, я за таблетками ходил. А меня там так прихватило, еле до туалета дополз.

– До туалета? – В душе Колосов просто был потрясен, до

каких интимных сторон жизни гардеробщика им еще предстоит дойти. – Ну, и когда вы там находились, что-нибудь подозрительное видели, слышали?

– Я внизу был, на пульте охраны. Там служебный туалет. Но вы не подумайте, я Пескова за гардеробом присмотреть попросил.

Китаев смерил его испепеляющим взглядом и отвернулся к Колосову.

– Дисциплинка! Теперь швейцара позвать?

Никита кивнул: валяй, веди своего швейцара. Ему по-прежнему остро хотелось заглянуть в игорный зал. Тут в вестибюль вернулся Биндюжный, а за ним двое милиционеров в форме и несколько гражданских: дежурная опергруппа и следователь прокуратуры – все облепленные снегом, как снеговики, и весьма недружелюбно настроенные – кому охота пахать в предпраздничный день?

Биндюжный отвел Никиту в сторону:

– Значит, вот какое тут дело. Я с привратником местным потолковал – некто Песков Михаил. А я его сестру родную, оказывается, знаю! Песков после увольнения из армии с семьей переехал сюда. Сначала у сестры ютился, а сейчас денег поднакопил – дом себе строит кирпичный. Неплохо, выходит, здесь платят. Он – человек военный, четкий, толковый. И вроде честный. По убийству, правда, ничего сказать не может. И выстрела не слышал. Но в вестибюль заходил – его гардеробщик Михеев попросил. Говорит, где-то после вось-

ми это было или чуть позже. Потом клиент приехал, он его встречать вышел, с шофером поболтал. Сколько времени это у него заняло – не помнит. Потом снова в вестибюль зашел. И вот тут-то... Видел он кое-кого, кто в туалет заходил. Сына хозяина видел и главного ихнего управляющего, какого-то там босса. Я его спрашиваю – Салютова, что ли, самого, земляка моего? А он – нет, говорит, Жанну Марковну. Надо же, я ему говорю, бабу боссом назначили, ну вы тут и даете...

– А почему это Салютов земляк тебе? – спросил Колосов.

– Так он же с Одессы, и я с Одессы! Я ж здесь у вас после армии осел, сразу как женился. А там родина моя. И Салютов – земляк мне, и барбос его этот – Китаев тоже. Он же с проспекта Дидрихсона и там же у нас судоремонтный институт заканчивал.

– А говорил, Ваня, не твой участок, – укорил его Колосов.

– Так это ж «Красный мак» – на весь район одно такое заведение, да что на район – на область, на столицу. Первоклассное казино. Если бы ты знал, Никита, сколько сюда шишек разных порой съезжается, а денег сколько просаживают... А как же нам в отделе местный персонал и владельца не знать? Например, Китаев у нас в отделе частый гость. То разрешение какое, то лицензия на оружие, то то, то сё. А потом, они у нас даже в поисковых мероприятиях порой участвуют. Тут служба безопасности крепкая. Ну, когда взрывы-то были, когда гексоген в домах искали, они тоже, как и другие ЧОПы, подключались к мероприятиям. Китаев – человек

умный и такое сотрудничество одобряет. Зачем ему с местными ссориться? А Салютов еще умнее, раз такое казино сумел отгрохать и до сих пор не разорился.

– Ну ладно, об этом потом, – прервал его Колосов; Иван Биндюжный слыл человеком словоохотливым, тем более сейчас, когда из головы его не совсем выветрился новогодний хмель, – ты насчет швейцара говорил... Ну-ка, води его быстренько.

Но тут к Колосову подошел Китаев и сказал, что его просят подняться наверх к Салютову. Никита хотел ответить: не барин, мол, твой хозяин, сам пусть спустится, а я пока занят. Но затем подумал, что допросить швейцара Пескова наверху, в кабинете его босса, будет даже занятно. Мимоходом он еще раз заглянул в туалет. Следователь прокуратуры, ворча и чертыхаясь, осматривал в тесной кабинке труп Тетерина. Никита не стал мешать ему – как всегда, они с прокуратурой шли самостоятельными путями.

Глава 6. ШВЕЙЦАР

Китаев молча повел его на второй этаж. Снизу из залов доносились громкие возмущенные голоса. Китаев настороженно прислушался.

– Извините, а сколько все это займет времени? Мы же не можем до глубокой ночи удерживать здесь посетителей. Мы и так сильно рискуем. Лишимся лучших клиентов.

– Ну, думаю, как только опергруппа проверит у ваших посетителей документы и удостоверит их личности. – Колосов тоже прислушался. – Ого, кажется, уже проверяют.

– Документы? Зачем? – Китаев остановился как вкопанный на середине лестницы. – Мы же задержали вам этого Майского!

– Такой уж порядок, извините. Совершено убийство. Лично я, как видите, никого не удерживаю. По мне пусть все хоть под землю провалятся. Но у следователя прокуратуры своя методика работы.

Китаев глянул на собеседника искоса, точно пытаясь измерить глубину коварства, скрывавшуюся в его ответе. А шум внизу в игорных залах все нарастал.

Коридор повернул направо. Китаев провел Никиту через жарко натопленный зимний сад с узорным паркетом и уютными скамейками, скрытыми среди зелени. Они подошли к двери в глубине зимнего сада, Китаев постучал и открыл.

Комната оказалась не кабинетом и не офисом, как того ожидал Колосов, а просторной столовой, скорее даже – банкетным залом. Окна были полузакрыты шелковыми шторами, в середине стоял овальный стол, за которым легко могло усесться человек двадцать.

Но сейчас стол был сервирован всего на пять персон. Приборы, тарелки, вазы с фруктами и цветами терялись на фоне пустого белого пространства скатерти. Сервировка была не тронута.

Во главе стола сидел мужчина лет пятидесяти пяти. Он был без пиджака – в темных брюках и черной шерстяной водолазке. Увидев Колосова, он медленно, с достоинством поднялся навстречу. Когда он протянул руку для приветствия, на его запястье блеснули дорогие швейцарские часы на массивном платиновом браслете.

– Добрый вечер, – сказал он негромко и спокойно, – прошу садиться.

Так Никита и познакомился с Валерием Викторовичем Салютовым – хозяином Дома, в котором внезапно и вроде бы без всяких видимых причин начали вдруг умирать люди.

Колосов сел за этот пустой, по-царски сервированный, но от этого еще более неживой, нерадостный стол. Перед ним стояла ваза богемского стекла. А в ней пышный букет темно-бордовых, почти черных роз. Их было тридцать штук.

– Нашли что-нибудь? – спросил Салютов. Голос у него был низкий и приятный, но одновременно какой-то тусклый.

«Серый голос», – подумал Никита. Глаза у Салютова тоже были серые, широко расставленные, а волосы – темно-каштановые от природы и уже поредевшие на макушке, на висках их припорошило сединой, словно сухим серым пеплом.

– Пока только труп, – ответил Колосов. – Там внизу ваши родственники, они, кажется, уже уехали. Я слышал, у вас несчастье в семье. Примите наши соболезнования.

Салютов кивнул: спасибо.

– У вас есть вопросы ко мне, – сказал он, – постараюсь чем могу помочь.

Колосов облокотился на стол. Ему стало любопытно.

– А знаете, никак не ожидал такой стремительной профессиональной реакции от вашей службы безопасности, – признался он. – Не ожидал того, что встречу здесь такое редкое желание оказать нам содействие. Обычно в подобных местах от милиции как от чумы шарахаются.

– Убит наш сотрудник, – ответил Салютов, – нам отнюдь не безразлична его судьба. Мы хотим разобраться в том, кто его убил. Он пытался оказать отпор...

– Ну, это еще не совсем ясно. Насчет отпора этому героическому проныре, – Колосов грустно вздохнул, – совсем пока не ясно. А это у вас единственный подобный случай?

– Единственный? О чем вы?

– Ну, прежде здесь, в казино, ничего такого не происходило – стрельбы, разборок, выяснения отношений между игроками, самоубийств?

– Никогда.

– А этот Тетерин, он у вас ведь и раньше где-то работал?

– Он проработал более двадцати пяти лет на лакокрасочной фабрике здесь неподалеку в районе. Когда моя компания это производство акционировала, Тетерин остался на ней. А после выхода на пенсию поступил сюда, в казино. Видите ли, у меня правило: я не беру случайных людей.

– А та фабрика и сейчас вам принадлежит?

– Да, и работает, и приносит неплохие доходы.

– Очень хорошо. О самом Тетерине Александре Александровиче что-то можете сказать?

Салютов пожал плечами. Колосов обвел глазами зал – дубовые панели на стенах, шелковые шторы, хрусталь, бронза, эти черные розы в вазе, платиновые наручные часы – что мог сказать владелец всего этого о пенсионере, подрабатывающем смотрителем туалета?

– Сан Саныч старше меня, – Салютов кашлянул, – ему шестьдесят было, живет... жил с семьей тут, неподалеку, на Разъезде, где подсобное хозяйство бывших совминовских госдач.

– Это там, где мост через Глинку? Поворот с Рублевки? – уточнил Никита.

Салютов поднял на него глаза.

– Знаете этот мост? – спросил он.

– Район знакомый, случалось выезжать.

– Там на мосту авария произошла, – сказал Салютов, –

давно, много лет назад. Вы, пожалуй, еще совсем мальчишкой тогда были. – Помолчав, он вдруг неожиданно закончил: – А у меня старший сын в аварии погиб. Полтора месяца назад.

Воцарилась пауза.

Колосов посмотрел на розы – тридцать штук, четное число.

– Сегодня ничего необычного здесь в казино не происходило? – спросил он. – Глеб Арнольдович говорил, что вас весь день не было, но, может, что-то вам сообщали, докладывали?

Салютов покачал головой – нет, ничего.

– Гардеробщик сказал, что видеокамера внизу в вестибюле дала сбой. А часто у вас бывают неполадки в сети охраны?

– Ну, иногда, это же техника. Это на пульте внизу надо уточнить. – Салютов потянулся к сотовому телефону, лежавшему перед ним на скатерти, но тут, тихо постучав, вошел Китаев, до этого куда-то исчезавший. Он привел высокого мужчину в черной форменной куртке с золотым галуном, которого Колосов уже видел внизу у подъезда.

– Вот Песков, швейцар, – объявил Китаев и, обращаясь к Салютову, известил: – В Большом зале милиция у клиентов документы проверяет.

Салютов промолчал.

– Скандалом пахнет, Валерий Викторович. – Китаев тяжело глянул на Колосова, словно упрекая: и-их, мы тебе –

содействие, а ты нам – такую свинью.

– Я бы хотел задать вам несколько вопросов, не возражаете? – обратился Никита к Пескову.

Тот вопросительно глянул на Салютова.

– Отвечайте, – сказал тот.

– У вас оружие имеется? – спросил Колосов.

Песков молча, картинно расстегнул форменную куртку, показал кобуру под мышкой. Из кобуры высовывалась рукоятка пистолета.

– Дайте, пожалуйста.

Песков снова глянул на Салютова. Тот кивнул.

Швейцар извлек пистолет из кобуры, взвесил его на руке и положил на скатерть. Колосову со своего места пистолет было не достать. Нужно было встать и обогнуть стол. Но он продолжал сидеть.

– Вы присматривали за вестибюлем по просьбе гардеробщика Михеева? – спросил он.

Песков кивнул.

– Сколько примерно времени он отсутствовал? Не помните?

– Минут десять-пятнадцать, – у Пескова был густой бас.

– А вы все это время находились в вестибюле?

– Нет, я выходил встречать подъезжающие машины.

– Тетерина вы видели?

– Днем видел. Когда по просьбе Михеева приглядывал за вестибюлем – нет.

– Выстрела не слышали?

– Нет, не слышал. Вообще ничего подозрительного не слышал.

– Вы прежде в армии служили?

– Так точно.

– В каких войсках?

– В инженерных.

– Вы кого-нибудь видели возле туалетов, когда присматривали за вестибюлем?

Песков вопросительно посмотрел на Салютова.

– Ну что же, – Салютов смотрел в окно. Там, полуотсеченная шелковой шторой, клубилась белесая снежная мгла. – Говорите, не задерживайте нас.

– Извините, Валерий Викторович, один вопрос, – пророкотал швейцар, – а что я должен ответить?

– Как что? Правду, конечно. Ты кого-то видел? Кого?

Песков посмотрел на пистолет, лежавший на столе.

– Жанна Марковна выходила из туалета. И... Филипп Валерьевич.

– Это ваш сын, – Колосов обернулся к Салютову, – младший? А он где сейчас, тоже уехал?

– Филипп в баре, – вмешался Китаев, – он никуда не уезжал.

– Песков, сосредоточьтесь и вспомните поточнее, пожалуйста. При каких обстоятельствах вы видели этих людей? Они что – вместе оттуда выходили? – Никита задавал вопро-

сы мягко, с искренним любопытством. – Там ведь у вас курительная комната.

– Нет, выходили поодиночке. Сначала я Филиппа увидел Валерьевича.

– Когда именно? Поточнее, пожалуйста. Как только зашли в вестибюль или позже?

– Как зашел... Нет, как только снова зашел после того, как встретил приехавшего посетителя. Я ему помог раздеться, показал, где у нас обменник, и тут увидел...

– И, значит, Филипп Салютов из туалета выходил, – уточнил Никита, – или входил туда?

– Выходил.

– А он вас видел?

– Нет, не думаю.

– И куда же он потом направился?

– Поднялся по лестнице.

– А эта дама – Жанна Марковна, она ведь, кажется, сотрудник казино?

– Главный менеджер игорного зала, – уточнил Китаев настороженно.

– Ее я увидел позже, когда... когда еще раз зашел в вестибюль после того, как встретил очередную машину с клиентами, – ответил Песков.

– А дама вас видела? – спросил Никита.

Швейцар неопределенно пожал плечами.

– И куда же она направилась?

– Кажется, обратно в зал. Не помню, я отвлекся.

– На что? – быстро спросил Колосов.

– На что-то. Не помню. А... на камеру. Заметил, что монитор выключен. Включил, а он рябит.

– Эта камера, что просматривает? – спросил Никита у Китаева. – Напомните мне, пожалуйста.

– Часть вестибюля от входа до лестницы, где гардероб и двери в туалет.

– А сами туалеты?

– За кого вы нас принимаете? – обиделся Китаев.

– Когда же камера сломалась?

– Не знаю, кажется, еще днем.

– Так, ладно. А что произошло потом? – спросил Колосов у швейцара.

– Я стоял за стойкой, ждал Михеева. Тут из зала вышел посетитель, зашел в туалет. С минуту пробыл там и выскочил как ошпаренный. Кричал, что у нас там кто-то застрелился.

– Сколько времени прошло с того момента, как оттуда вышла эта ваша сотрудница... Как ее фамилия, кстати?

– Басманюк, – подсказал Китаев.

– И тем, как обнаружили труп Тетерина...

– Минут семь, – нехотя ответил Песков, – может, даже меньше.

– А вы за это время в туалет входили?

– Нет.

– А из вестибюля отлучались?

– Да, на пару минут, очередную машину встретить.

Колосов встал, обогнул стол, взял пистолет «ТТ» (Китаев не соврал) и проверил обойму. Все патроны были на месте. Он проверил предохранитель и поднес дуло к губам. Пистолет пах смазкой и... Или это почудилось, или все же был и другой запах – запах пороха.

– С Тетериным у вас какие были отношения? – спросил он Пескова.

Тот, наверное, в десятый раз пожал широкими плечами и сухо ответил:

– Нормальные, рабочие.

– Ну, спасибо, можете идти. А оружие мне придется пока у вас изъять.

Песков четко, по-военному повернулся и вышел за дверь. Промаршировал...

Колосов сел на свое место. Пистолет Пескова он завернул в крахмальную салфетку, взятую с прибора.

– Это какое-то недоразумение, – произнес Китаев, – что он тут нам наплел? Очумел, что ли? Или пьян?

– Видите, оказывается, один свидетель у нас все же есть. – Колосов выглядел скорее обрадованным, чем грустным.

– Да что он тут плел про Филиппа, про Жанну? – повысил голос Китаев. – Что ей-то делать в мужском туалете?

– Она курит? – спросил Никита.

– Да, – ответил Салютов.

– А ваш сын, Валерий Викторович?

– Нет.

– Пожалуйста, пригласите его подняться сюда к нам, – Колосов обратился к Китаеву.

Китаев, в свою очередь, глянул на Салютова. Тот смотрел в окно. Китаев отошел к буфетной стойке, уставленной нетронутыми закусками, там стоял и телефон. Он позвонил, сказав, чтобы отыскиали Филиппа Валерьевича и пригласили его к отцу.

– Сколько вашему сыну лет? – спросил Никита Салютова.

– Двадцать пять.

– Молодой, – Никита констатировал это словно бы с сожалением.

Глава 7. ФИЛИПП

– Кстати, – продолжил он, – а где еще у вас работают камеры наблюдения, кроме вестибюля?

Китаев нахмурился: подобные сведения являлись секретом службы охраны.

– Просматриваются внешний подъезд, автостоянка, Большой зал, бильярдная, зал игровых автоматов, ресторан, бары, – ответил сам Салютков.

– А здесь наверху? – поинтересовался Колосов.

– Нет.

– Лестницы, кухни, служебные помещения?

– Лестницы.

– Ясно. Я бы попросил до выяснения обстоятельств представить нам пленки со всех камер, которые сегодня вечером работали и не были по каким-то причинам сломанными.

Салютков кивнул: хорошо. А но тут открылась дверь и вошли двое мужчин. Один был высокого роста, крепкий, хорошо сложенный блондин с очень короткой и стильной стрижкой. Лицо его было бы почти красивым, если бы не перебитый нос. Одет он был совсем не в стиле «Красного мака» – в свитер из грубой шерсти и жилет из защитной плащевки со множеством карманов на груди, какие предпочитают путешественники и военные корреспонденты.

Его спутник был ниже ростом, моложе, субтильнее: узко-

лицый, бледный, худощавый парень, облаченный в длинное, до пят, супермодное зимнее пальто из альпаки с внушительным бобровым воротником, который болтался на его узких плечах словно меховой хомут. Салютов кивнул на него Колосову:

– Мой сын Филипп.

Никита хотел спросить: а кто же это другой с ним? Личный шофер, телохранитель? Потому что блондин в жилете путешественника был весьма похож на человека именно этих профессий. Но Никита не успел удовлетворить любопытство: Глеб Китаев весьма бесцеремонно и молча начал теснить парня за дверь. Блондин, однако, уперся. Неизвестно, чем бы закончилось это молчаливое противостояние людей, равных по силе, если бы не раздраженный приказ Салютова:

– Да скажи ты ему, чтобы он убрался! Тут у милиции к тебе серьезные вопросы!

От этого резкого окрика Колосову стало как-то... «Не по себе» – это было неточно. Просто его поразило, как был способен меняться голос этого человека. Он никак не мог понять, что же стало причиной этой внезапной перемены, этого почти истерического выброса злости и раздражения. Неужто только то, что эти молодые парни поднялись сюда вместе, вдвоем?

– Подожди меня за дверью, пожалуйста, – тихо сказал Филипп Салютов.

Его спутник повернулся и молча вышел. Китаев плотно закрыл за ним дверь и прислонился к ней спиной.

– Присаживайтесь, Филипп, я начальник отдела убийств ГУВД области майор милиции Колосов Никита Михайлович. Вот мое служебное удостоверение. – Никита говорил медленно, словно давая собеседнику время на раскачку. – Вы уже, я думаю, в курсе здешних печальных событий. Хочу в связи с этим задать вам несколько вопросов.

– Мне? Я, между прочим, давно совершеннолетний, – Филипп Салютлов сел за стол, расстегнул пальто, сдвинул в сторону мешавшие приборы, сразу нарушив четкую симметрию сервировки, – мы могли бы с вами, майор, и вдвоем поговорить. А то тут у вас прямо суд инквизиции. Я могу в панику впасть от смущения.

– Да здесь же все, кроме меня, для вас свои – отец ваш и вот Глеб Арнольдович. Думаю, они не лишние тут. Вы, Филипп, когда в казино приехали?

– Вечером.

– Поточнее?

– Где-то около семи.

– А с какой целью?

– Сегодня поминки по Игорю, моему брату.

– Вы приехали один?

– С Легионером.

– А это кто такой?

– Конь в пальто.

Никита смотрел на Салютова-младшего. Под пальто у него была надета какая-то несуразная толстовка из светло-серой фланели. Совсем не подходящая ни к этому дорожному пальто с бобром, ни к стилю «Красный мак», ни к самой фамилии Салютов.

Спереди у пояса на фланели виднелось что-то темное – то ли складки ткани, то ли пятно... «Если он носит пистолет за поясом под пальто, то это могут быть пятна смазки, – подумал Колосов машинально, – если, конечно, носит... А если стрелял он, на одежде могли остаться следы пороховых газов. Хотя при использовании глушителя это вряд ли...»

– Это мой товарищ. Друг, – помолчав, добавил Филипп.

– Конь? А пальто у вас, Филипп, красивое, крутое, – Никита подался вперед, – где, интересно, такие носят – в Париже?

– На вьетнамском рынке у бабушки Тинь Дао. – Филипп пошевелился, и Никита увидел, что пятно на толстовке было совсем не пятном, а орнаментом из крупных латинских букв FENDI. Страшненькая толстовка оказалась фирменной вещью.

– Что вы делали, пока ожидали родственников? – спросил Никита. – Играли?

– Я вообще не играю. Не игрок, что ж тут поделаешь. В баре сидел.

– Пили?

– Пиво.

– С другом, который Легионер?

– Угу.

– Он что, у вас работает?

– Нет, мы просто друзья.

– Хватит паясничать. Можешь ты хоть на минуту бросить свои фокусы? – вмешался Салютков.

– Могу, папа. Конечно.

Никита выслушал реплику отца и реплику сына – что это? Что они делают? Или это отголоски старого семейного скандала?

– Что-нибудь можете сообщить по поводу убийства? – спросил он.

– Я? Нет, вряд ли.

– Ну, какие-нибудь мысли-то у вас есть, может, подозрения?

– Ой, какие тут мысли? Убит старичок Сан Саныч. Надо же, какая неприятность для фирмы.

– И кто, по-вашему, мог это сделать?

– Кто? А если даже это и я?

Глеб Китаев у двери глухо кашлянул. Колосов смотрел на парня – полы пальто свесились до пола, поза – самая ослабленная. Бледное лицо, пустые глаза. Внезапно ему показалось, что у Салюткова-младшего что-то не того с мозгами.

– Вы очень легкомысленно об этом говорите, Филипп Валерьевич, – заметил он, – последствий не боитесь?

– А? Последствий? Нет, не боюсь.

– Что ж, мне эту вашу реплику признанием считать или как?

– Не сходи с ума! – тихо и вместе с тем гневно произнес Салютов-старший. – Прекрати валять дурака, мерзавец!

– Вот, смотрите, у папы моего для меня слова другого не найдется, как только мерзавец, – Филипп укоризненно покачал головой. – Ну, если вы эту мою шутку признанием сочтете – что ж, значит, судьба моя такая. Папу вон, пожалуй, кондрат хватит – такой удар по престижу!

– Ваш отец всего лишь советует вам более обдуманно относиться к своим словам, – сказал Никита. – А вы вообще чем занимаетесь?

– Ну, иногда марки коллекционирую, иногда коробки спичечные, иногда самолетики клею.

– А, увлекающаяся натура, это хорошо, – похвалил Никита невозмутимо. – И пальто крутое, и бобер – глаз не оторвать. А в баре, значит, весь вечер пиво пили с этим, ну, который, как его... Центурион? А, нет – Легионер... Ну, а туалет посещали в вестибюле с пива-то?

– Нет, знаете ли, терпел. Так, что чуть из глаз не полилось.

– Значит, с восьми до девяти вечера в туалет вы не ходили?

– Нет.

– Припомните, пожалуйста, очень вас прошу.

– Нет.

– А ваш швейцар только что нам сказал, что видел вас вы-

ходящим оттуда примерно в этот самый промежуток времени.

– Такие вопросы, мне кажется, следует задавать уже в присутствии адвоката, – тревожно заявил Китаев.

– Да это не вопросы, а констатация факта. Вы же сами слышали, что сказал этот ваш Песков, – возразил Колосов.

– Валерий Викторович, да что же вы молчите, – Китаев повысил голос, – не чувствуете, куда дело клонится?

Но Салютов-старший не проронил ни слова.

– Ну что же, Филипп Валерьевич. Как быть-то нам? Я жду, – напомнил Никита.

– Песков, наверное, ошибся. Дальтоник! – Филипп хмыкнул. – Я в туалет не заходил. Или же нет... Конечно, я за был, ходил! Что мне там в баре обо... что ли, было? Ходил. Или... Нет, нет и нет. Это вчера было. Ну, конечно, вчера! А сегодня – ни-ни, ничего такого. Весь вечер в баре – с другом, с девушкой – да они подтвердят, спросите у...

– У друга Легионера? – хмыкнул Колосов. – А еще у кого? У девушки?

– Эгле подтвердит, – Филипп круто повернулся к отцу.

– Замолчи, заткнись.

Повисла напряженная пауза. Этот новый окрик... Точно удар хлыста. Салютов поднялся из-за стола.

– Прошу вас понять правильно душевное состояние моего сына, – сказал он уже совсем другим, сдержанным тоном, – сегодня у всей нашей семьи тяжелый день... Поймите, сей-

час он просто не в себе – они с Игорем, старшим моим сыном, были очень близки, дружны... Он очень сильно переживает, поэтому и несет разную околесицу... И я тоже с трудом держу себя в руках, поэтому, возможно, и срываюсь. Извините меня. – Он положил ладони на скатерть. – А тут еще смерть Тетерина... Филипп, как и я, как и все мы, растерян, взволнован. Он... Он сейчас все вспомнит и объяснит... И скажет правду. Ты заходил в туалет в вестибюле? Видел Тетерина? Отвечай, если не хочешь, чтобы тебя прямо сейчас забрали в милицию из-за твоего идиотизма!

Филипп поднял голову и посмотрел на отца. Что-то в его лице изменилось. Бравада исчезла. Он выглядел очень усталым и бледным. И очень молодым – узкое худое лицо было совсем мальчишеским.

– Да, заходил, – ответил он тихо, – из бара. И Тетерина видел. Он сидел за своей стойкой в курительной, решал кроссворд. После туалета я поднялся сюда, ко мне подошел Равиль, наш шофер, сказал мне, что вы все здесь, ждете меня.

Салютов кивал, словно давая понять Колосову, что так оно и было, сын говорит правду.

– Время было около девяти, когда я послал сказать сыну, что мы его ждем, или без четверти девять, – заметил Салютов.

– Ну вот и чудненько, вот все и выяснили, – Никита забрал со стола пистолет Пескова, развернул салфетку, еще раз проверил предохранитель и сунул оружие в карман кожаной

куртки, – а то столько ненужных нервов, споры какие-то! Можно было сразу коротко и ясно ответить на вопрос.

Он поднялся. Они выжидательно смотрели на него, словно не верили, что он вот так просто все это воспринял. А Китаев явно ждал, что его вот-вот попросят вызвать сюда наверх и менеджера игорного зала Жанну Басманюк.

Но Колесов, казалось, был вполне удовлетворен увиденным и услышанным.

– Насчет пленочек не забудьте, пожалуйста, – напомнил он, – я их прямо сейчас заберу. Однако хотелось бы, чтобы кто-то из ваших сотрудников их прокомментировал.

– Я сам могу это сделать, – сказал Китаев.

– Ну и отлично. Спасибо, у меня пока все. – Никита повернулся к Салютову. – Тело мы заберем на вскрытие в морг. Родственникам сообщим.

Салютов поднялся, его сын сидел, облокотившись на стол. Колосову показалось, что, когда они с Китаевым уйдут, этим двоим еще предстоит крупный разговор. Но тут за дверью послышались громкие голоса, топот ног, в дверь постучали, и на пороге возник охранник, а за ним уйма народа – следователь прокуратуры с папкой протоколов, начальник местного отделения милиции и человек шесть оперативников и омонцев. По их деловито-предприимчивому виду Колосов понял, что проверка документов внизу в игорных залах успешно завершена.

– Старший следователь по особым поручениям Соколь-

ников, – бесцветным голосом отрекомендовалась прокуратура. – Вы владелец заведения? Хорошо, у меня к вам разговор. А вы начальник отдела убийства из главка? У меня и к вам разговор, подождите меня внизу в вестибюле. – Он выдвинул стул, сел за стол и положил перед собой папку. – Итак, вы владелец казино? Должен допросить вас в качестве свидетеля и предупреждаю об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от таковых.

Колосов вежливенько тронул Китаева за рукав: пошли, как там насчет пленок-то?

Уже закрывая за собой дверь, они слышали скрипучий голос Сокольников и гневный возглас Салютова: «Да какое же вы имеете право? Как это – закрыть казино? До какого еще выяснения? Это же произвол...»

– Ой, нудный тип, – Колосов сочувственно покачал головой, указывая Китаеву глазами на дверь. – Вполне способен прикрыть этот ваш дворец развлечений. Я сам его боюсь. И на вашем месте его бы не раздражал.

Глава 8. ПЛЕНКА

Около часа ночи казино было закрыто. Сколько они ни возмущались, сколько ни возражали, спорили – казино было закрыто. Салютов отдавал себе ясный отчет в том, что значит умышленное убийство в стенах такого заведения, как «Красный мак». Да мало ли было примеров, когда по сходной причине лопались как мыльные пузыри, в считанные недели разорялись и закрывались отлично организованные, приносявшие солидные доходы предприятия?

Возьмите, скажем, ресторан «Русское поле» на территории аэровокзала. Он процветал пять лет. Но стоило в один злополучный вечер произойти банальнейшей разборке, в результате которой один из выяснявших отношения был застрелен в упор, а второй ранен в ногу, и ресторан не продержался и месяца.

А ночной клуб «Не рыдай»? Он числился в десятке самых продвинутых и модных в столице до тех пор, пока на закрытой вечеринке охрана не обнаружила в гримерной труп разрезанной девицы, и убийцу тут же схватили, но «Не рыдай» заглох и более уже не возродился.

И правда, кому из солидных посетителей, почетных членов и завсегдатаев клуба, ресторана или казино придется по вкусу назойливые допросы, обыски, принудительно-добровольное снятие отпечатков пальцев, проверки документов?

Кто захочет отдыхать, ужинать, танцевать, играть в рулетку или на «Колесе Фортуны» там, куда вот-вот может нагрянуть милиция, прокуратура, спецназ в масках, с дубинами, положить всех на пол лицом вниз, любого впускать – никого не выпускать?

Салютов понимал все это так же ясно, как и то, что козырная шестерка бьет даже туза. С приездом следователя Сокольников и опергруппы все в «Красном маке» пошло вверх дном. Мало того, что у посетителей казино проверили документы и взяли отпечатки пальцев, большинство из них еще и снабдили повестками в прокуратуру на допрос!

После всех этих измышательства в первом часу ночи пубliku выдворили, а следователь Сокольников объявил персоналу казино, Салютину и потрясенному таким произволом Глебу Китаеву, что он получил согласие администрации на временное приостановление лицензии «Красного мака» «до выяснения».

Салютину прямо среди ночи пришлось звонить и в область, и в Москву, будить, искать, поднимать с постели нужных людей, просить, умолять, унижаться, жать на все доступные кнопки, подключать, просить содействия и защиты от самоуправства.

В результате казино все равно было закрыто. Однако... Спасло лишь то, что на носу были рождественские праздники. После долгих уговоров, просьб и унижений было достигнуто соглашение – «консенсус», как ехидно заметил следо-

ватель, — о том, что лицензию не тронут — пока, но прокуратура во все эти праздничные дни сможет беспрепятственно проводить все необходимые и дополнительные следственные действия в «Красном маке», который будет на это время закрыт для посещений.

Черт! Кто сказал, что жизнь прожить — не поле перейти?! Что он вообще понимал в жизни, если сравнивал ее с полем, а не с ядерным полигоном, линией Маннергейма, валом Адриана, могильным рвом?!

Было два часа ночи. В «Красном маке», кроме Салютова и Китаева, находилась лишь дежурная смена охраны да шофер Равиль, приехавший за хозяином и скучавший в вестибюле. Тихое, пустое, мертвое казино выглядело очень непривычно. В оные дни с десяти вечера до двух ночи в Большом зале шла самая игра. А к трем утра у столов оставались лишь так называемые игроголики, которых точно магнитом притягивало к зеленому сукну.

Салютов сидел все в том же зале, за все тем же сервированным, но так и не тронутым поминальным столом. Пил коньяк, пил черный кофе, жевал лимон. Вообще, он редко пил в последние пять лет. В отличие от своего старшего, ныне покойного, сына Игоря, он знал меру в употреблении спиртного. Никогда ни в чем не любил излишеств, потому что от них попахивало дешевым выпендрежем, больной печенью, утренним смрадом изо рта и ночными кошмарами.

Но в последние два месяца прежние привычки умирали.

Жизнь заставляла привыкать к иному.

Китаев, взъерошенный, злой и усталый после отъезда опергруппы, тоже поднялся в зал, к столу. Вид у него был такой, словно его крутили и выжимали в стиральной машине.

– Ну и сука этот Сокольников, ну сука... Я ему, Валерий Викторович, объясняю... А он... И где только сук таких откапывают? Это ж просто курсы надо какие-то кончать – самому ни в жизнь такому гадству не выучиться! – Он плюхнулся на стул, выбрал самый большой бокал для вина и налил себе коньяка. Выпил. Вдохнул точно кит, выброшенный на берег. И потом сообщил: – Этот майор Колосов пленки у меня забрал.

Салютлов кивнул.

– Все, кроме этой, – Китаев выложил на стол кассету видеозаписи. – Эту я не отдал. Подменил. Дал ему другую, позавчерашнюю.

Салютлов взял кассету.

– Посмотрите ее сами, Валерий Викторович. Это с камеры в Большом зале. Я, как только этого Майского задержал в вестибюле, прошел на пульт и прокрутил всю запись.

– Что ты мне хочешь сказать, Глеб? – тихо спросил Салютлов.

– А то, что дело нечисто у нас, в нашем датском королевстве, Валерий Викторович, – Китаев посмотрел коньяк в бокале на свет, – Майский, хоть у него и пушка переделанная, тут ни при чем.

– Почему?

– А он не спускался вниз, в вестибюль. Ни разу. Там все на пленке, – Китаев поставил бокал. – Я докладывал: Жанна меня в зал вызвала. Там шухер был небольшой, клиент проигрался, начал деньги у партнера стрелять. Клиент – мальчишка зеленый, Жанне показалось, что он где-то уже успел нюхнуть-уколоться. Она его узнала, это сын... – Китаев с особым ударением произнес фамилию отца-политика, депутата, лидера партии и движения. – Этот парень... Ну, он самый и есть – сынок. И глаза, как у мороженого судака. Он деньги дважды занимал и каждый раз все проигрывал.

– Ну и что? К чему ты это все?

– А к тому, что бабки стрелял он у этого самого Майского. Они вместе к нам пришли. – Лицо Китаева стало угрюмым. – И вместе играли. Камера зафиксировала. До моего прихода они никуда из зала не отлучались. Все время возле карточного стола кружили. Потом сопляк сел играть, проиграл и начал с крупье спорить, а Майский рядом был. Потом их Жанна начала уговаривать, охранники. Потом и я включился. Мальчишку мы в бар спровадили. Савойников – охранник – его туда привел, угощал за счет заведения и все время был с ним. А Майский сел снова играть за второй стол. Ему карта пошла. И он от стола никуда не отлучался, до тех пор, пока внизу в вестибюле шум не поднялся. Там все это есть на пленке. Я фишки его просмотрел – если бы не эта заваруха, он бы на шесть кусков нас нагрел сегодня.

– Ну, договаривай...

– А если это не Майский застрелил Тетерина за наркоту, то...

– Пескову утром позвонишь и скажешь, что он уволен, – сказал Салютков.

Китаев кивнул, однако криво усмехнулся:

– Сами же ему приказали давать показания этому майору.

– Все, что ему причитается, получит в бухгалтерии, трудовую книжку ему отвезете. Пистолет... А, хотя они его забрали. Ладно. – Салютков глотнул остывшего кофе.

– Я с сыном вашим перед его отъездом поговорил, – скрипучим голосом сказал Китаев. – Говорю ему: Липа, думать надо, прежде чем языком болтать. Головой соображать. На что тебе голова-то, как не на это? Ну, он вроде осознал. Вроде того... Говорит, что действительно в туалет заходил и Тетерина видел. Я ему: через твою глупость, через легкомыслие твое ты чуть в историю не попал. Думай, когда, что, где и кому говоришь!

– Ладно, оставь, – Салютков поморщился. – Что-то еще?

– А то, что я так же, как этот мент из угрозыска и как эта сука въедливая – следователь, хотел бы знать, кто это прихлопнул старика? И главное – за что? Причин-то вроде нет никаких.

Салютков смотрел в черное окно.

– Или же, – Китаев осторожно и внимательно заглянул в лицо шефа, – о допросе сегодняшнем в Генеральной проку-

ратуре они вас не спрашивали. Не в курсе еще, видно, но... Вы вот, Валерий Викторович, пренебрегли, не проинформировали меня насчет этой беседы...

– Хочешь знать, спрашивали меня в прокуратуре о Хванч-каре? – резко спросил Салютов. – Нет.

Китаев помолчал, словно переваривая информацию.

– А он-то может этого и не знать, – произнес он наконец медленно и раздумчиво. – Он-то как раз может думать и на-оборот...

Салютов молча убрал кассету в карман.

– Час назад Марина звонила. Спрашивала: приедете вы сегодня домой ночевать или нет? – сказал Китаев чуть погодя.

Салютов смотрел в окно.

– А Эгле внизу, – Китаев проследил за его взглядом. – Я ей говорю – езжай домой, Равиль тебя отвезет. А она – нет, подожду. Вас ждет. Переживает.

Салютов кивнул. Он словно не мог оторваться от этой темноты за окном. Ночь перед Рождеством. Он только сейчас внезапно вспомнил, что сегодня та самая ночь, под тот самый праздник, о котором он почти ничего не знал ни в детстве, ни в юности.

Рождество в Лузановке не справляли. Пасха была, это факт. На Пасху на море начиналась путина. На Пасху церковь Святого Николы на Пересыпи была полна-полнехонька старух, стариков, вдов, потерявших мужей на войне, и про-

сто людей, переживших оккупацию и военную разруху.

Чтобы молодежь из любопытства не ходила ночью в церковь, в клубе локомотивного депо – это Салютов помнил с самого раннего детства – всегда устраивали вечер самодеятельности. Привозили хорошее кино, а затем врубали на всю железку танцы до самого утра.

А на Рождество ничего такого не было. Рождества вообще не было в те годы. Все, что Салютов мог вспомнить из своего детства об этих первых январских днях, это лишь колкий пронизывающий ветер, дувший в лицо – с моря, а в спину – с гнилого Хаджибеевского лимана.

– Скажи ей, что я сейчас, – произнес он, – скажи ей спасибо. Я очень тронут.

Глава 9. ПЕЛЬМЕНИ

Данные, полученные из экспертно-криминалистического отдела в первый же послепраздничный день, оказались пустышкой. Колосов особо и не надеялся на них, однако...

Однако было обидно. Нет в жизни легких путей! Утром отгремела как гром среди ясного неба первая послепраздничная оперативка у шефа в кабинете. На ней Колосову было заявлено следующее: первоначальные оперативно-разыскные мероприятия кто по убийству в казино проводил? Ты. Ситуацией владеешь? Более-менее. Значит, будь добр, забирай дело к себе в отдел с «земли». Сейчас на праздники малость разгрузились, итоги подвели, так что ресурсы есть. Действуйте.

Колосов пробовал препираться с руководством: как это забирай дело, позвольте? Там местные сотрудники сразу подключились, и прокуратура грамотно себя повела. Отповедь начальства была краткой: следователь Сокольников уже с утра звонил и лично просил, чтобы оперативное обеспечение убийства Тетерина взял на себя именно отдел убийств главка, а не местная милиция. Он, мол, уже направил в адрес УУР отдельные поручения.

«Так, – подумал Никита, – или прокуратура, как обычно, набивает себе цену, или же этот следователь почуял в смерти пенсионера нечто... Что же?»

Но, несмотря на эту закулисную интригу, звонить в прокуратуру после оперативки не стал. Успеется получить ЦУ. Позвонил патологоанатому и экспертам-баллистикам. Патологоанатом сообщил, что у него – срочные дела, а заключение о вскрытии трупа Тетерина уже утром отослано по факсу. Никита прочел этот ученый труд через несколько минут, отыскав его среди пришедшей почты. И с грустью понял, что ничего нового не узнал. Даже время смерти Тетерина (а это было весьма важной деталью) перестраховщик-эксперт определил весьма расплывчато: между восемью и девятью часами вечера.

Баллистическая экспертиза пули, извлеченной из черепа Тетерина, сделала один лишь категорический вывод, что это пуля пистолетная. А это Колосов знал и без экспертов. Пуля оказалась сильно деформирована, и идентифицировать по ней оружие, из которого был произведен выстрел, по мнению баллистиков, вообще не представлялось возможным.

Эксперт обещал, что изъятые в «Красном маке» пять пистолетов «ТТ», принадлежавшие службе охраны, а также «газовая переделка» Майского будут тщательно проверены по банку данных и заново отстреляны. За дальнейшее он не ручается – пуля им в этом деле не помощник.

– Удивительно, Никита Михайлович, как это вы гильзу не нашли, – недовольно заявил эксперт. – Она наверняка там была, вы просто не искали.

На этом незаслуженном и обидном упреке обмен мнени-

ями завершился, и у Колосова с самого утра резко испортилось настроение. «Не нашли гильзу!» Да это же было первое, что его самого там насторожило в этом вроде бы вполне рядовом убийстве. Гильзы в туалете не было. А это означало одно из двух: либо она действительно утонула в канализации, залетев в унитаз по какой-то сумасшедшей траектории, либо убийца забрал ее с места преступления. А это, в свою очередь, значило, что пистолет, из которого выстрелили Терину в затылок, был...

Ну да, был. Сплыл! Колосов хотел уже снова сесть на телефон и, в свою очередь, упрекнуть зазнавшегося эксперта – почему это до сих пор не готово заключение по исследованию горюче-смазочных веществ по изъятому в казино оружию? Но, поразмыслив секунду здраво, решил, что такое цепляние будет мелочным и недостойным поступком. Ничего, бог правду видит: кто пашет в праздники, а кто баклуши бьет в теплом кабинете!

В результате этих раздумий и переживаний время до обеда пролетело почти незаметно. Правда, обрывал еще телефон начальник Скарабеевского ИВС, где содержался задержанный Майский. Предупреждал официально, что срок у подозреваемого истек сегодня, а там еще и конь не валялся – ни дежурный следователь, ни скарабеевский розыск, ни прокуратура так и не удосужились решить вопрос с предъявлением задержанному обвинения.

Колосов созвонился с территориальным отделением ми-

лиции. И попросил с обвинением пока не торопиться, а продлить срок содержания под стражей до десяти суток по формальному поводу – ношение и хранение огнестрельного оружия.

В Скарабеевском отделении люди были понятливые под стать старшему оперуполномоченному Биндюжному (которого, к сожалению, Никита как ни добивался в тот день, так и не застал). Срок Майскому продлили и даже пообещали поискать среди своих толкового человека, чтобы прощупать задержанного по камере.

И у Колосова сразу камень с души свалился. Честно говоря, насчет этого Майского у него пока не было никаких четких планов. Насчет убийства Тетерина – тоже.

Адски гудела голова!

С некоторых пор обеденный перерыв стал для сотрудников областного главка порой суровых испытаний. «Подземку» – расположенную в бывшем полуподвале столовую и буфет – закрыли на ремонт. И в зимнее, холодное и выужное время сотрудники чувствовали себя просто по-сиротски. Или навьючивай на себя сто пудов шуб, шапок и мчись, высунув язык, обедать куда-нибудь на сторону – в ТАСС, в «Медовые блинчики» на бульваре или в «Макдоналдс», или прозябай в голоде и нищете в кабинете в обнимку с чайником, тощей заваркой и чахлыми пирожками.

Колосову хотелось есть. Хотелось нормальной, здоровой горячей пищи. Причем желательно мясной. Он вдруг осо-

знал, что за все новогодние праздники в скворечнике Биндюжного он гораздо больше выпил, чем закусил.

Зрелище, предъявленное зеркалом в шкафу в родном кабинете, тоже оптимизма не прибавило. Колосов погладил себя по щеке, оттянул кожу под правым глазом, потер подбородок. Даже зеркало – свет мой – говорило о том, что организму за последнюю неделю пришлось вытерпеть немало. Настало время поправлять здоровье и приходить в норму. И Колосов решил ехать в «Сибирские пельмени» на Остоженку. Там было не очень дорого и относительно вкусно.

Спустился в вестибюль и увидел Катю.

Она, в шубе, с сумочкой, стояла у главковского КПП и с тоской смотрела в окно на заснеженный Никитский переулок, словно никак не могла решиться покинуть родные стены и двинуться по полной опасностей, скользкой, как каток, Никитской обедать в ТАСС.

– Здравствуй. С прошедшим тебя, – поздоровался Колосов.

– Ой, Никита! Ты? Привет! И тебя тоже. Ты где это пропадаешь?

Колосов поймал взгляд дежурного по КПП, устремленный на Катю.

– Ты кого-то ждешь? – спросил он хмуро.

Катя пожала плечами, сдвинула на затылок черную вязаную шапочку. Уронила перчатку. Колосов нагнулся – поднял. Краем глаза уловил, что дежурный сержант с КПП смот-

рит на них с явным удовольствием и интересом. Мальчишка!

– Ты обедать? – спросила Катя.

Колосов кивнул.

– Тогда и я с тобой, – она сразу цепко, по-беличьи ухватила его за рукав кожаной куртки. – Вместе как-нибудь по этому катку доберемся. Ура!

Вот так и получилось, что ровно через четверть часа они уже входили в полупустой, полутемный, отделанный деревом зал на Остоженке. Никита смотрел на довольную Катю (в машине по дороге она без умолку трещала, делясь впечатлением о новогодних праздниках) и в который раз с грустью осознавал, что женщины (не все, слава богу, а лишь избранные), если зададутся целью, могут вить из его стального, закаленного характера веревки.

От пельменей Катя отказалась наотрез, заявив, что их, чуть что не по нем на кухне, начинает тут же варить и уплетать ее муж. А она жутко ревнует к этим кошмарным кускам теста все, что приготовила сама. И от этого ну просто видеть их не может.

При слове «муж» продолжать разговор Колосову сразу расхотелось. Он забрал у Кати поднос и начал машинально ставить на него все тарелки подряд. И тут же получил новый выговор: зачем так много? Я сама выберу, что захочу.

Беседа за столом у окна не клеилась.

– Пресса после праздников спит, – сообщила Катя. – И в сводках ничего интересного. Ты на Новый год, случаем, не

дежурил?

Такой вопрос мог быть задан только одним человеком – сотрудником пресс-центра. Никита подумал: она и обедать вместе с ним напросилась, видимо, с одной только этой целью. А он-то...

– Нет, не дежурил. Что будешь – чай, кофе? Может, пива?

– Сок. И тебе взяла яблочный. Значит, ты совсем никуда не выезжал за эти дни? Просто не верится.

– Ну, выезжал. Так, ничего особенного. Твоим хроникам газетным это вряд ли интересно будет.

– Убийство? – Катя нацелилась на рыбный салат.

– Ну, убийство. На Рублевке. Кажется, разборка местного масштаба.

– Очевидное? – При слове «разборка» Катя сразу соскучилась.

– Вроде. – Колосов говорил нехотя: буква – по рублю. – Одного на месте прямо с пистолетом и наркотой взяли. Второй... второй тоже вроде признался. А потом оказалось, что пошутил.

– То есть? – Катя удивилась. – Признался или пошутил?

– Ну сболтнул вроде, потом... потом обернулось все таким черным юмором.

– А кого убили?

– Одного пенсионера.

– Это в разборке? – Катя снова удивилась. – А где?

– В казино.

Ему тогда показалось: Катя пропустила этот его ответ мимо ушей. «Казино» – это слово, видимо, ничего ей не говорило. Никита еще подумал: ну слова есть! Прямо не знаешь, как к некоторым и относиться – то ли как к реальности, то ли как к розыгрышу. «Казино» по-русски как-то не звучало. Или звучало по-дурацки. Катя так это и восприняла: в казино в разборке убит пенсионер. Отдавало анекдотом.

– И чем же ты сейчас по этому потрясающему делу занят? – спросила она, надувшись, явно обижаясь на этот несуществующий розыгрыш.

– Чем? Доказательствами.

Эх, доказательства...

Версий по убийству Тетерина было немного. А вот доказательства на удивление имелись. Но вот что они доказывали? В этом Колосов пока еще не разобрался.

Это был редкий случай в его практике, когда имелись даже свидетели! Их было несколько, и каждый из них говорил чистую правду либо подло врал.

Швейцар Песков, например, утверждал, что видел незадолго перед тем, как в туалете обнаружили убитого Тетерина, что оттуда по очереди выходили Филипп Салютлов и некая гражданка Басманюк. Филипп Салютлов в качестве свидетеля вел себя странновато и даже в чем-то полупризнался, однако в его показаниях, если они, конечно, были правдивыми, скрывалась еще более ценная информация о том, что потерпевший Тетерин в момент их мимолетной

встречи в туалете где-то в районе половины девятого вечера (плюс-минус четверть часа) был еще жив и невредим.

Госпожу Басманюк допросил по совету Колосова следователь Сокольников и получил от нее следующие свидетельские показания: Тетерина в тот вечер она не видела и, естественно, в мужской туалет... не заходила.

Так обстояло дело со свидетелями. Но вообще-то для того, чтобы кому-то из опрошенных верить, а кому-то нет в таком заведении, как «Красный мак», надо сначала было хоть на минуту представить себе – за что, по какой причине мог быть убит такой человек, как Александр Тетерин?

В версии, выдвинутой Китаевым о том, что он пострадал, исполняя свой профессиональный долг, препятствуя гражданину Майскому в его преступном намерении угостить клиентов казино дозой героина, смысл был. Был! Правда, доза-то была ничтожная – во всех пяти пакетах, изъятых у Майского, и двух граммов-то не набралось.

Был смысл и в мудром предположении, выдвинутом следователем Сокольниковым, о том, что скромный смотритель туалета мог быть настоящим гением шантажа. И знать, что за кем-то из служащих или гостей казино, а может, и за гражданкой Басманюк или сыном хозяина таятся какие-то дурнопахнущие тайны, о которых пронюхал Тетерин. За что и поплатился жизнью, получив пулю от кого-то из них.

Однако какие секреты мог знать бедный смотритель туалетов, живший в поселке Разъезд у моста через речку Глин-

ку и имевший на иждивении больную жену и сына-пропойцу? Это следователь Сокольников даже не пытался смоделировать.

Делясь мнением с Колосовым, он предположил, что совершить убийство мог любой из тех, кто находился в тот вечер в «Красном маке». И в этом Никита полностью был со следователем согласен. Механизм совершения преступления на первый взгляд тоже был прост: воспользовавшись отсутствием гардеробщика и швейцара, некто неизвестный проникает в туалет, стреляет Тетерину из пистолета с глушителем в затылок и...

Но здесь и таился первый подводный камень этого дела. Несоответствие личности потерпевшего риску, затраченному на его устранение неизвестным убийцей.

Для того чтобы замочить скромного служителя туалетов, убийце надо было немало совершить: а) пронести через охрану казино (а там тоже не дураки собрались) оружие; б) выбрать для убийства не очень удачный момент, когда в казино уже начала прибывать публика, и в) уже после выстрела еще какое-то время находиться возле трупа, каждую секунду рискуя быть застигнутым, для того, чтобы отыскать и забрать с собой стреляную гильзу.

Если бы весь этот труд был потрачен душкой-киллером для того, чтобы расправиться с владельцем казино или с каким-то толстосумом, приехавшим крутануть рулетку, это был бы один расклад. Но убили не банкира, не авторитета, не

игрока, наконец, обыгравшего «Красный мак» на крупную сумму, – убили пенсионера. И в выборе такой слабой и беззащитной жертвы крылось что-то непонятное.

А вторым подводным камнем была гильза...

– О чем так задумался, Никита? У тебя все остыло.

Колосов услышал голос Кати. Вздохнул, словно очнулся от сна. Катя смотрела на него с любопытством.

– Да так, пустяки. Утрясется все. Чего-нибудь еще хочешь?

Катя покачала головой: спасибо, сыта. Пора возвращаться.

Когда они уже подъезжали к Никитскому переулку, у Колосова сработал мобильник. Трезвонили коллеги из отдела, искали начальника – его, оказывается, уже дожидался в бюро пропусков Глеб Китаев, приехавший, как и было условлено, посмотреть и комментировать пленки видеозаписи.

Пришел и срочный факс из ЭКО. Проведенная экспертиза пистолета Пескова дала данные о том, что из этого оружия недавно производились выстрелы, о чем свидетельствовали следы смазки и пороховых газов.

«Ну, просто смыться никуда нельзя! – рассердился Колосов. – Когда на месте сидишь, все будто спят, никто и не аукнется, чуть отъедешь – тут же, разом...»

– Извини, меня ждут, – сказал он Кате, высаживая ее у подъезда главка.

– До свидания, Никита, – ответила она, – спасибо за обед

и за компанию. И вообще была рада тебя повидать. Очень рада.

Она скрылась за дверью. А Колосов секунд семь размышлял – правду ли она сказала, что рада, или это просто так, из вежливости. Но потом решил выбросить эти глупости из головы. И у него почти получилось.

Глава 10. «КАЙО-КОКО»

Когда январские морозы ударяют вас по мозгам и по легким, когда на улице минус двадцать пять и дым валит столбом из фабричных труб, когда прохожие на улицах больше смахивают на живые меховые кульки, а окна в домах затуманены инеем, нет лучшего места в столице, чем «Кайо-Коко».

Так или, возможно, так думал Филипп Салюттов, когда дело было к вечеру, делать было нечего, а вечер, точнее, ночь обещала быть чуть ли не полярной.

«Кайо-Коко» – это бар и клуб. Назван в честь знаменитого кубинского пляжа и даже украшен портретами Че Гевары и Хемингуэя. Последнего, правда, посетители «Кайо-Коко» почти никогда не признают, потому что изображен он молодым, без своей знаменитой бороды и трубки.

В «Кайо-Коко» по пятницам и выходным проходят латиноамериканские вечеринки. Темнокожий танцор с Барбадоса учит всех желающих танцевать мамбо. А мулатки из кордебалета к полуночи зажигают зал так, что всем присутствующим начинают мерещиться тропик Рака, океанский прибой у барной стойки и Южный Крест вместо лампочек на потолке.

А вот по вторникам в «Кайо-Коко» бывает тихо. В три часа утра по вторникам для припозднившихся клиентов бармен варит шоколад и кофе фэри с ромом и апельсиновой

цедрой.

В три часа утра, когда на улице трескучий мороз и город спит мертвым сном, в «Кайо-Коко» горько пахнет шоколадом, зал пуст, а посреди погасшей эстрады, прямо на полу лежит гитара, на которой устал играть гитарист-виртуоз.

Пьян гитарист, горек шоколад. Вкус его долго, очень долго чувствуешь на губах: Кайо-Коко... Бархатная волшебная ночь над теплым океаном, коралловый песок.

– Слушай... Ну, послушай ты меня... А давай уедем? Деньги пока есть. Сдается мне, Липа, совсем раскис ты от этой зимы.

Это Легионер говорит. Он сидит напротив и тоже пьет горячий шоколад. И лишь у него домашнее прозвище Филиппа – Липа звучит как обычное имя, а не как презрительная кличка, как это выходит у Глеба Китаева или порой у отца.

Филипп слушает Легионера. Легионер бредит. Но не всегда. Иногда он изрекает банальные вещи, причем с умным видом. Иногда дает полезные советы с несерьезным видом. Иногда предлагает просто фантастику, причем совершенно без тени юмора. А сейчас он бредит. «Давай уедем, Липа» – этот припев звучит у него с самого Нового года, даже раньше.

Он предложил Филиппу на Новый год махнуть... в Боливию, в Чили, в Перу, в Мексику, да куда угодно! Лишь бы только подальше. Подальше... Ведь деньги пока еще остались. Те деньги, что дал Филиппу отец несколько месяцев назад.

Правда, большая часть из них потрачена на отличный автомобиль джип «Шевроле» или как он там правильно зовется. На машину получены уже все документы, и сама она зарегистрирована участником международных непрофессиональных ралли Иракеш–Джельфа–Триполи весной этого года. И не просто зарегистрирована. Нет, машина обязательно возьмет кубок, потому что за рулем ее будет Легионер, а штурманом он, Филипп Салютков. Если, конечно, все у них будет хорошо.

– Знаешь, а тут славно. – Филипп улыбнулся. Улыбка вышла слабой и ленивой. Но в три часа так и бывает. – Гreet.

Легионер пожал плечами. Что, наверное, означало: эх ты, малахольный парень, Липа. С некоторых пор они очень мало говорили друг с другом. Потому что слова были лишними, в частности в три часа утра под призраком Южного Креста на потолке в «Кайо-Коко».

Но все хорошее, то, о чем приятно вспомнить и через неделю, и через год, – не вечно, как и шоколад в чашке, как и эта зимняя ночь. В три часа утра в трескучий мороз в «Кайо-Коко» почти нереально узреть нового посетителя, ввалившегося прямо с простуженной обледелой улицы. Если, конечно, этот посетитель не Алигарх (и произносится, и пишется через «а»), если же брать по анкетно-паспортным данным – Георгий Газаров – Гога, от которого никуда, ну просто никуда не скрыться. Наверное, только в ад.

Газаров – высокий крепкий тридцатилетний жгучий брю-

нет. Вечно небрит – не потому, что неряха, а потому, что эта небрежность ему идет, делая похожим на непримиримого боевика.

Вообще, по отзывам многих особ женского пола, Гога Алигарх – человек привлекательный, колоритная личность и крепкий мужик, и цены бы ему не было, везде, куда бы он ни подался, если бы не одна досадная слабость.

Филипп Салютлов совсем не рад Алигарху. Но ничего не поделаешь. Тот, окинув орлиным взором пустой зал клуба, уже взял курс к их столу.

– Вот вы где. Я звонил-звонил, ваш один на двоих мобильник не пашет. Отключили, что ли? Отдыхаете. – Газаров без приглашения сел за их столик.

– Не спится, радость моя? – поинтересовался Легионер. – Чтой-то так?

– Так уж. – Газаров улыбнулся самым дружелюбным образом и вздохнул. – Просто ужас как соскучился по хорошим людям. Закажите что-нибудь, а? Я пустой, последний полтинник за бензин отдал.

И конечно, как всегда, они заказали Алигарху выпить. От горячего шоколада он отказался.

– Хорошо, ух хорошо пошла... Замерз я, – Алигарх после первой рюмки словно ожил. – Слушайте, а у меня к вам дело. Выручайте.

– Срочное? – спросил Филипп. – Очень срочное, раз искать по ночам не лень.

– А чего вас искать? – Газаров улыбнулся еще шире. – Вы вот они, двое из ларца. А если серьезно, дело в том, что мне срочно...

– Денег? – спросил Филипп.

– Три, а лучше четыре сотни. Я на днях отдам. Завтра же отдам.

– Но ведь «Мак» закрыт, – сказал Филипп.

– Китаев клятвенно заверил, что сразу после праздников... Да уже завтра откроют, – Газаров нервно потер руки, – а я... мне нужно срочно. Ну дай хоть двести баксов пока перекрутится, хоть сотню... я отдам.

– Опять все проиграешь, – Легионер заметил это с ноткой легкой укоризны, с какой старший брат журит младшего за потерянную девственность, – опять все спустишь, радость моя, и останешься голым. – Однако он тут же полез в карман своей легендарной среди завсегдатаев «Кайо-Коко» бесшумной защитной безрукавки и достал деньги. Две сложенные пополам зеленые бумажки по пятьдесят долларов каждая. – Последний раз.

– Спасибо, – Газаров быстро накрыл деньги ладонью. Руки у него были просто загляденье. Кисти красивой формы, пальцы длинные, сильные. Руки пианиста, иллюзиониста или карточного шулера. Только Алигарх не был музыкантом. Фокусы показывать не умел. И в шулеры тоже не годился. Ему просто не везло.

– Значит, Китаев сказал, что «Мак» на днях откроют? –

удивленно уточнил Легионер. – Надо же! А я думал, эта свистопляска надолго. Даже посочувствовать хотел Валерию Викторовичу, – он покосился на Филиппа.

– Нет, я у Глеба спрашивал: мол, в чем дело? Он сказал, все в порядке. С прокуратурой все рассосется. На днях откроют. – Газаров спрятал деньги в карман куртки. – Ну, я и не сомневался в этом. Твой батя, Филипп, золотой человек. А за «Мак» он кому хочешь глотку перегрызет и, если подмазать надо кого, тоже не поскупится. Но нет, надо же кому-то Саныча было грохнуть! Ведь божья коровка. А сколько ментов сразу нагнали – видели? У меня документы начали проверять, честное слово. Я этим маски-шоу говорю: мужики, куда, какие документы, я сюда отдыхать приехал, а они...

– У меня тоже проверили, – кивнул Легионер, – а Филиппа вон даже опер с Петровки допрашивал.

– Не с Петровки, – уточнил Филипп, – мне кажется, я последний Тетерина живым видел. Я в вестибюль спускался, в бар, ну и в туалет заходил.

– Он тоже, между прочим, заходил, – Легионер повернулся к Газарову и вяло погрозил ему пальцем, – а я тебя видел, радость моя.

– Я ходил? Когда? А... Да ну, не помню я, – Газаров отмахнулся, – я играть сел. Так мне повезло сначала, а потом... Впрочем, я слышал, там же взяли сразу кого-то.

– Не кого-то, а Майского, – подсказал Легионер, – а у него, как всегда, полным-полна коробочка. Ну, погорел Сережка

теперь. Поделом, а жаль его. Впрочем, это, наверное, он дедка пристукнул. Или Песков.

– А ему-то зачем? – удивился Филипп.

– Так он же маньяк, – Газаров, казалось, тоже заинтересовался предположением собеседника, – все знают, что ваш Песков – маньяк. Его из армии за это поперли. Там история какая-то была темная. Да вы ему в глаза когда-нибудь смотрели, ребята?

– И что? – спросил Филипп.

– Что? То. Ну, ты-то хозяйский сынуля, он перед тобой травой стелется. С тобой он не смеет, – Газаров усмехнулся. – А так вообще сучьи у него глаза. Холодные как лед.

– Зато у тебя, Алигарх, очи – ночи, – заметил Легионер с улыбкой.

– Гены. У меня мать – осетинка, – Газаров сладко потянулся, – я горец потомственный. Знаете, какую мне невесту-красавицу троюродный дед в ауле подыскал. Не знаете. Ну ладно, спасибо – выручили, обогрели, обласкали. Как отыграюсь – деньги верну. Слово горца. А теперь мне позвонить надо. Мамочке.

Он легко поднялся, пересек зал и исчез.

– И что, интересно, Эгле его не выгонит? – задумчиво спросил Легионер.

– Она его любит, – ответил Филипп, – прикипела.

– Да, а он об нее стельки вытирает. – Легионер смотрел в пустую чашку с остатками шоколада на дне, словно гадал по

этой темно-бордовой гуще. – И что ему от нас было нужно? Зачем его принесло? Денег и завтра мог стрельнуть.

Филипп молча указал глазами на вход – Легионер сидел спиной и не видел нового посетителя, зашедшего с мороза в «Кайо-Коко» в три часа утра.

Это была женщина. В норковой темно-коричневой шубке и черной фетровой шляпке. Платиновая блондинка с роскошными локонами. Но это был итальянский парик из натурального волоса. Филипп знал это наверняка, потому что узнал эту женщину.

Это была Жанна Марковна Басманюк – пит-босс казино «Красный мак».

Легионер медленно обернулся.

Она подошла к их столику, как и Газаров, села без приглашения, расстегнула шубку, дернула на шее шелковый узорный платок, словно он ее душил. Пошарила где-то в недрах шоколадного меха, достала сигареты, зажигалку. Щелкнула, прикурила, затянулась.

Спросила Легионера:

– Как прикажешь все это понимать? А?

– Мне уйти? – спросил Легионера Филипп.

– Как хочешь.

Филипп отошел к барной стойке. Но и там все было слышно. «Кайо-Коко», где по пятницам и выходным проводились латиноамериканские вечеринки, славилось своей акустикой.

– Что это значит? – Тон Жанны Марковны не предвещал

ничего хорошего.

– Это значит – все, Жанна, – голос Легионера был тих. И спокоен. Но Филипп чувствовал, что его другу приходится нелегко.

– Что все? Что?

– Все. Конец.

– Нет. Ты... Ты не можешь. Ты так со мной не можешь. Это же... Но почему?

– Потому что так лучше, Жанна.

– Я чем-то тебя обидела?

– Нет, что ты.

– У тебя кто-то есть?

– Нет, пока никого.

– Но тогда что произошло?

– Ничего. Но это все, Жанна.

– Но ты же... – Жанна Марковна глубоко затянулась. Филипп видел, что и ей приходится нелегко. Женщины сорока с хвостиком лет всегда были для него загадкой. Казалось, они окутаны тайной. И тайна эта, как их дорогие яркие духи, так и сочится сквозь мелкие, тщательно замаскированные макияжем морщинки в уголках глаз и губ.

– Ты сам хотел, сам добивался, – глухо сказала Жанна Марковна. – Я тебе верила, думала...

– Что? – спросил Легионер.

– Что ты меня любишь, – ответ прозвучал как-то неловко. Филипп Салютов спросил сам себя: разве женщины в сорок

лет уже стесняются говорить о любви? Почему? Об этом надо подумать.

– Я делал все, что ты сама хотела, – ответил Легионер.

– Я тебя искала все эти дни, звонила... Ты так неожиданно исчез перед Новым годом. Я искала тебя...

– И в конце концов попросила Гогу Алигарха взять поиски на себя? Наверное, и сотню ему накинула за хлопоты?

– Я и тебе платила, – сказала Жанна Марковна.

– Вот, возвращаю долги, – Легионер достал из нагрудного кармана еще несколько сложенных зеленых бумажек, – вот, вот и вот. Спасибо, Жанна, спасибо за все.

– Подонок, – она смотрела на его руки, на деньги, и слезы катились по ее щекам, – ограбил, подонок, наверно, кого-нибудь снова...

– В карты выиграл, – ответил он. – Бери, мы квиты.

Жанна Марковна поднялась.

Филиппу Салютову было ее очень жаль. Хотелось даже обнять за поникшие плечи, подвести к стойке, налить ей чего-нибудь бодрящего, крепкого. Он знал Жанну Марковну много лет. Она давно работала у его отца. И даже... даже какое-то время жила у них в доме. Он помнил о ней только одно хорошее. Она всегда была добра и к нему, и к брату Игорю. А еще он помнил, как однажды перед самым Новым годом Легионер мимоходом спросил у него: правда, что болтают в казино? Правда, что Жанна была любовницей его отца?

Легионеру нравились женщины старше его. Его к ним

сильно тянуло. Но только к тем, кто тщательно следил за собой и хорошо зарабатывал в коммерческих структурах. А в вопросах морали он вообще был вполне терпим. И Филипп в душе удивлялся: какая муха укусила его друга перед Новым годом?

Жанна Марковна скомкала деньги, сунула их в сумку, смяла сигарету в пепельнице. В кармане ее шубки при каждом движении позвякивали ключи от машины.

– Алигарх только что порадовал нас, что «Мак» на днях откроют, – заметил Легионер. – Это значит, что ты все эти дни, как всегда, будешь очень занята.

И тут Жанна Марковна всхлипнула. И Филипп Салютов подумал: если бы только в эту минуту кто-то из персонала «Красного мака» – крупье, охранники, менеджеры, официанты видели своего железного пит-босса, они бы, не сговариваясь, решили, что все это – сон. «Кайо-Коко» и плачущая Жанна Марковна им просто снятся.

Глава 11. РАЗНОЕ ВРЕМЯ

Однажды Колосов слышал, как один известный режиссер рассуждал по телевизору о том, что относительность времени нигде так ясно не является взору, как на кадрах кинохроники. Он говорил о «разном» времени, сетуя на то, как порой трудносовместимо то, реальное время, в котором существует режиссер, художник, и то, которое предстает перед ним на старых пленках, когда он пытается использовать этот документальный материал.

Высказывания эти вспомнились Никите почти сразу, как они с Китаевым поставили на видео первую кассету с записями происходящего внутри казино и начальник службы безопасности «Красного мака» приступил к комментариям.

В кабинете розыска, в гостях у Колосова он чувствовал себя так же уверенно и деловито, как и на своем рабочем месте, как это показывала видеопленка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.